

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра истории русской литературы

У Южо

«ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» Н. В. ГОГОЛЯ И «ДНЕВНИК
СУМАСШЕДШЕГО» ЛУ СИНЯ: БЕЗУМИЕ КАК ТЕМА И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ

Выпускная квалификационная работа
магистра филологии

Научный руководитель: к. ф. н. Е. А. Филонов

Рецензент: к. ф. н., Е. В. Крушельницкая

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Обзор литературы.....	6
1.1. Восприятие русской литературы и творчества Гоголя в Китае в начале XX века.....	6
1.2. Гоголевское влияние в рассказе Лу Синя «Дневник сумасшедшего». История вопроса и современное состояние изучения.....	11
1.3. Динамика восприятия творчества Гоголя в российском литературоведении: «Записки сумасшедшего» в интерпретации исследователей XX–XXI веков	15
1.4. Лу Синь как писатель начала XX века	19
Глава 2. Проблемы изучения повести Гоголя «Записки сумасшедшего».....	21
2.1. Литературный контекст повести «Записки сумасшедшего»: тема безумия и образ безумца в русской литературе	21
2.2. Повествование в «Записках сумасшедшего».....	25
2.3. Проблема читательского восприятия повести «Записки сумасшедшего»	27
Глава 3. «Дневник сумасшедшего» Лу Синя в аспекте гоголевского влияния	32
3.1. Тема безумия и образ безумца в повести Лу Синя: «гоголевский» и «негоголевские» контексты	32
3.2. Особенности повествования в «Дневнике сумасшедшего».....	39
3.3. Лу Синь в ряду читателей и интерпретаторов Гоголя.....	43
Заключение	49
Библиография	53

Введение

Изучение международных литературных связей является одной из важнейших задач литературоведения. Оно позволяет расширить наше представление не только о культурных контактах разных народов в определенные эпохи, но и о закономерностях исторического развития национальных литератур.

Проблема восприятия русской литературы за рубежом и ее влияния на другие литературы имеет такое же большое значение в русистике, как и вопрос о влияниях зарубежных писателей на русских авторов. В каких культурах и в каких исторических условиях оказываются особенно актуальными и востребованными те или иные произведения русской литературы? Как воспринимают русских авторов зарубежные читатели в разные эпохи? Ответы на эти вопросы могут помочь лучше понять не только этих читателей, но и самих авторов.

Н. В. Гоголь не принадлежит к числу самых известных и самых читаемых русских писателей в Европе и Америке. Общемировое значение творчества Гоголя отрицали сначала даже те, кто высоко его ценил. Так, например, В. Г. Белинский писал в 1842 году: «Мировой поэт не может не быть великим поэтом; но великий поэт еще может быть и не мировым поэтом. <...> Гоголь великий русский поэт, не более; “Мертвые души” его — тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. <...> Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанциального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано. <...> Чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее

его значение для русского общества, и тем менее может он иметь какое-либо значение вне России».¹

Со временем интерес к Гоголю на западе появляется (о чем пишет Ю. В. Манн),² но в основном в узких кругах исследователей. О значимом влиянии Гоголя на западную литературу говорить невозможно. Тем более важным и интересным кажется случай большой популярности Гоголя в Китае и значительного воздействия его творчества на развитие и становление новой китайской литературы (в начале XX века).

Гоголь (и русская литература вообще) начинает интересовать китайцев в эпоху крупных исторических перемен, когда меняется политическое устройство страны и ее культурные ориентиры. Произведения Гоголя помогают китайским интеллигентам по-новому осмыслить мир, в котором они живут.

В 1918 году писатель и общественный деятель Лу Синь опубликовал небольшой рассказ «Дневник сумасшедшего» (по-другому «Записки сумасшедшего»). Этот рассказ, тесно связанный с современными историческими событиями, сразу принес его автору признание и большое влияние среди китайской интеллигенции. Этот рассказ можно считать и одним из первых классических произведений новой китайской литературы.

Сам Лу Синь — читатель, «критик» и переводчик Гоголя — не раз говорил о прямой связи замысла своего рассказа с гоголевской повестью «Записки сумасшедшего». В обоих произведениях герой-безумец рассказывает о себе и об окружающей его действительности, в обоих произведениях речь идет о безумии мира, в котором живет герой. То есть и для Гоголя, и для Лу Синя безумие оказывается одновременно темой и художественным приемом.

¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М., 1955. С. 257, 259.

² *Манн Ю. В.* Предварительные замечания // Гоголь как явление мировой литературы / Под ред. Ю. В. Манна. М., 2003. С. 5–8.

Литературоведы не раз уже обращались к сравнению двух произведений. На русском языке можно назвать работы В. В. Петрова, Л. О. Эйдлина, Е. А. Серебрякова, Е. В. Суровцевой и др., на китайском языке — Чи Жуй, Гуан Линлин, Синь Лин, Ян Синь, Сюе Юнцзюань, Ду Вэй, Сюй Цзяфан, Лу Хэн, Ли Яньмин и мн. др.

Тем не менее, эту литературоведческую проблему нельзя считать исчерпанной. Главное, на что обращали внимание исследователи, — сходства и различия в сюжете, деталях, в характеристике героев двух произведений. Также писали о приемах и «художественном методе», которому Лу Синь «учится» у Гоголя, — то есть о реализме, сатире, гротеске и т. д. Но такой подход предполагает готовое, строго определенное представление о «методе» Гоголя и Лу Синя и о прямой преемственности. Между тем Гоголь и Лу Синь — писатели, принадлежащие не только разным культурам, но и разным эпохам (их отделяет друг от друга почти целый век). Поэтому, сравнивая их, нельзя не учитывать контекст двух исторических эпох, в которые пишут эти авторы.

Цель нашей работы — охарактеризовать особенности восприятия творчества Гоголя в Китае в начале XX века и его влияние на становление новой китайской литературы.

Этим определяются **задачи**: провести сопоставительный анализ повести Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказа Лу Синя «Дневник сумасшедшего»; проследить, как разрабатывается тема безумия в произведениях Гоголя и Лу Синя, как функционирует художественный прием «повествование от лица безумца» в каждой из повестей; описать литературный и культурный контекст, который оказывается значимым для Лу Синя при восприятии творчества Гоголя.

Глава 1. Обзор литературы

1.1. Восприятие русской литературы и творчества Гоголя в Китае в начале XX века

Конец XIX – начало XX веков в Китае — это период политического и культурного кризиса, приведшего к грандиозному перелому в истории страны. Именно этому бурному времени принадлежит творчество Лу Синя, именно тогда появляется новая китайская литература.

«Буржуазно-демократическая революция 1911 года в Китае, свергнувшая иноземную маньчжурскую династию, открыла эпоху борьбы за национальное освобождение страны».³ Однако после этих событий ситуация в обществе не изменилась. Революция, которую Лу Синь так долго ждал, не оправдала его надежды: ее результат вызвал у писателя глубокое разочарование. Представители китайской интеллигенции начинают искать новые возможности преодоления кризиса — по «духовному пути».

Началом культурной «европеизации» Китая стало «Движение 4 мая» 1919 года. Китайские интеллигенты и общественные деятели считают, что спасти Китай нужно новыми мыслями: китайцам необходимо преодолеть культурную изолированность — увидеть и узнать мир. Именно в это время в Китае появляется интерес к иностранной литературе, и русская классическая литература занимает здесь центральное место.

Причиной этого интереса отчасти можно считать, конечно, политическую ориентацию новой китайской интеллигенции на советскую Россию. Вместе с тем русская литература, очевидно, помогает по-новому осмыслить свой мир и свою действительность. Она кажется близкой. Лу Синь пишет об этом: «Я предпочитаю Чехова и Горького Джовани Боккаччо и Виктору Гюго, потому что, их произведения более новые и

³ *Рогов В. В.* Вступительная статья // Лу Синь. Рассказы. М., 1953. С. 3.

близки к нашей жизни».⁴ Именно «близость к жизни», которую они называют «реализмом», Лу Синь и его современники обнаруживают и в русской литературе и стараются утверждать. «Русская литература является нашим учителем и другом», — пишет Лу Синь.⁵

Что же оказывается близким? Лу Синя и других китайских писателей того времени интересуют социальные проблемы, тема пороков народа и общества, тема нищеты реальной жизни, маленького человека и т. д. Именно эти темы и привлекают их в творчестве русских писателей середины XIX — начала XX веков. Мир, изображаемый в произведениях русских реалистов, напоминает им современную действительность Китая. Они смотрят на это литературное наследие как на опыт, который необходимо воспринять, чтобы найти выход из культурного и духовного кризиса.

Еще до начала «Движения 4 мая» Лу Синь уже начал заниматься делами, связанными с реформой письменности, выступив за отказ от «вэньянь» (древнего китайского языка), и внедрение в литературу «байхуа» (современного китайского языка). Это способствовало доступности литературы, расширению круга читателей.

Также распространению русской литературы в Китае способствовали различные литературные общества. Так, 4 января 1921 года, по инициативе академика Чжоу Цзожэня (брата Лу Синя), Мао Дуня, Е Шентао и др. было организовано общество «Изучение литературы». Это первое общество, занимавшееся литературоведением, имело очень большое значение в развитии новой китайской литературы и в популяризации творчества русских авторов.⁶ На целый ряд русских писателей участники общества обратили особое внимание.

⁴ *Чай Сяоянь*. Чехов и Лу Синь // Литература из России. Издательство Хайнань. 1993. С. 70.

⁵ *Петров В. В.* Клич // Петров В. В. Лу Синь. М., 1960. С. 150.

⁶ См. об этом: *Петров В. В.* Лу Синь и зарубежная литература // Петров В. В. Лу Синь. М., 1960. С. 331–382.

Мао Дунь пишет большое количество статей о произведениях Ф. М. Достоевского, а в 1922 году выпускает статью «Мысли Достоевского», которая является одной из самых ценных и пространных работ китайских авторов о русском романисте. В этой статье о его политической идеологии, об идее природной склонности к добру и о религиозных взглядах Достоевского. Лу Синь ценил Достоевского как «великого исследователя человеческой души»⁷ и реалиста.

Гоголь был одним из наиболее близких Лу Синю писателей. По данным китайского литературоведа Чай Сяоянь,⁸ Лу Синь в течение своей жизни работал над переводами на китайский язык произведений 166 писателей из 21 страны, и среди них 44 произведения русских писателей, (то есть 1/4 от общего количества), из русских же писателей наиболее часто Лу Синь обращался к переводам Гоголя. Кроме того, ему принадлежит 19 статей о Гоголе.⁹

Лу Синя интересуют и русские писатели, бывшие его современниками. В. В. Петров отмечает его интерес к творчеству Л. Н. Андреева: «Лу Синю импонировал протест Андреева против равнодушия к человеческой личности, против внутренней, духовной разьединенности людей в современном обществе. В одном письме Лу Синя другу, он характеризовал Леонида Андреева как полностью разочарованного писателя».¹⁰

Все участники общества «Изучение литературы» — Е Шентао, Лао Шэ, да и почти каждый из классических китайских писателей были более или менее затронуты влиянием русской литературы. Об усвоении ими

⁷ Там же. С. 334.

⁸ *Чай Сяоянь*. Господин У и преподаватель Фань из «Шинели» // Ветер с Севера. Издательство Хайнань. 1993. С. 16–17.

⁹ Также см. об этом: *Цянь Чжун-вэнь*. Гоголь в Китае // Русская литература. 1959. № 2. С. 191–193.

¹⁰ *Петров В. В.* Указ. соч. С. 336.

гоголевского опыта пишет, например, Чай Сяоянь.¹¹ Гоголевские идеи можно найти даже в ряде произведений китайской литературы XXI века, например: «Искать “шапку”» Цзян Цзылуна, «Ли Шуньда строит дом» Гао Сяошэня, «Инцидент с “черной пушкой”» Чжан Сяньляна.

Не только Гоголь, но и другие русские авторы входят в сознание китайских писателей и читателей. Го Можо испытывает влияние Л. Н. Толстого; Ба Цзы читает и переводит И. С. Тургенева (ученые называют его «китайским Тургеневым»), со вниманием и уважением относится к А. И. Герцену (даже посещает его могилу во время поездки во Францию). Лу Синь, Е Шентао, Сяо Хун, Ся Янь читают рассказы и театральные драмы А. П. Чехова: так, например, известный китайский драматург Сао Юй признавался, что в своей пьесе «Гроза» воспринял чеховский опыт. Особое внимание китайские литераторы уделяют А. М. Горькому: известный писатель Цюй Цюбай переводит «Песню о буревестнике», популярную и известную всем до сих пор.

В 1925 году Лу Синь объединяет молодых переводчиков — Вэй Суюань, Вэй Цуну, Ли Цзие, Цао Цзинхуа — в литературное общество «Без названия». Его цель — познакомить китайских читателей с иностранной литературой. Члены общества, двое из которых (Цао Цзинхуа и Вэй Суюань) владели русским языком, перевели романы «Униженные и оскорбленные» и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, повесть Гоголя «Шинель», «К звездам» и «Черные маски» Л. Н. Андреева, «Сны Чанга» И. А. Бунина, пьесы А. П. Чехова и др. В 1928 году Лу Синь организовал еще одно общество, имевшее подобные задачи, — «Утренние цветы»; именно оно выпустило в своем журнале «Сто иллюстраций к Мертвым душам». В 1920-е годы в Шанхае и Пекине появляется целый ряд аналогичных литературных

¹¹ Чай Сяоянь. «Ревизор» приехал в Китай // Ветер с Севера. Издательство Хайнань. 1993. С. 14–15.

объединений, которые видят свою задачу в том, чтобы расширить мировоззрение китайских читателей.¹²

Таким образом, одной из причин популярности русской литературы в Китае стала просветительская деятельность литераторов и различных литературных обществ. Почему же именно русская литература заняла в их сознании такое важное место среди зарубежной литературы?

Дело в том, что творчество русских авторов было воспринято китайскими интеллигентами в очень определенном ракурсе: они проводили прямые параллели между тем миром, который изображают русские классики, и современной китайской действительностью. Они обращают особое внимание в произведениях русской литературы на то, что интересует их в связи с историческими и культурными особенностями своей эпохи. Это внимание к «реальной жизни», социальным проблемам, желание обновления мира и т. д. Так понятая русская литература кажется очень актуальной и современной.

Именно так воспринимается и Гоголь. Об этом пишет Лу Синь, говоря о «Мертвых душах»: «К счастью или к несчастью, многие герои до сих пор еще настолько жизненны, что наши читатели, люди другого государственного строя, другой эпохи, чувствуют, будто это написано про их окружение, и им не остается ничего другого, как преклоняться перед его (Гоголя) великим реалистическим талантом».¹³

Лу Синь видит сходство тех противоречий жизни человека и общества, которые описывает Гоголь, с противоречиями собственной действительности. Поэтому, обращаясь в своих художественных произведениях, к изображению собственного мира, он опирается и на творческий опыт Гоголя, пытается усвоить его приемы — в первую очередь гротеск.

Всё вышеизложенное позволяет ясно представить, почему русская литература и творчество Гоголя в частности становится актуальным в Китае

¹² См. об. этом: *Петров В. В.* Указ. соч. С. 338–339.

¹³ *Петров В. В.* Указ. соч. С. 341.

в начале XX века и оказывает влияние на развитие новой китайской литературы.

1.2. Гоголевское влияние в рассказе Лу Синя «Дневник сумасшедшего». История вопроса и современное состояние изучения

Рассказ Лу Синя «Дневник сумасшедшего», опубликованный в 1918 году, считается одним из первых классических текстов новой китайской литературы. Лу Синь сам неоднократно говорил о влиянии на свой замысел повести Гоголя «Записки сумасшедшего».

В китайском литературоведении сопоставление этих двух произведений проводилось уже не раз. Отмечая сходства и различия двух «Записок», китайские исследователи называют рассказ Лу Синя одним из ярких примеров, показывающих глубокую связь новой китайской литературы с литературой мировой.

Прежде чем обратиться к собственным наблюдениям о характере гоголевского влияния в произведении Лу Синя, необходимо проследить историю изучения этой проблемы. Попробуем обобщить выводы и замечания разных исследователей. В нашем обзоре мы будем опираться на работу Чай Сяоянь, которая резюмировала наблюдения разных ученых о сходствах и различиях двух повестей,¹⁴ а также привлекать другие источники.

Большинство китайских исследователей, которые сравнивали повести, отмечают сходство исторического и социального фона Китая и России: положение в Китае начала XX века, по их мнению, близко к ситуации в дореволюционной России. Общим местом в китайском литературоведении стала мысль, что Гоголь в «Записках сумасшедшего» изобразил «больное» общество, мрачные стороны реальной жизни «старого общества», выразил

¹⁴ Чай Сяоянь. Одноименные повести Гоголя и Лу Синя — «Записки сумасшедшего» // Ветер из севера. Издательство Хайнань. 1993.

антифеодальные и демократические идеи. Эта социальная критика и оказывается близка Лу Синю, который ценит в Гоголе реалистический талант, искусство сатирика, разоблачающего пороки действительности.¹⁵

Подводя итоги исследовательской истории вопроса, можно выделить несколько тезисов, которые разделяет большинство китайских ученых.

Во-первых, Лу Синь характеризуется как ученик Гоголя, «превзошедший своего учителя». Опираясь на гоголевский опыт, он проложил «новые пути реалистического описания».¹⁶

Во-вторых, Лу Синь усилил социально-критический пафос в своей повести. Если Гоголь делает предметом обличения бюрократическую иерархию, то Лу Синь обращает внимание на все стороны социального устройства и вскрывает сущность старого общества — его «людоедство».

В-третьих, отмечается различие в построении образов главных героев у Гоголя и Лу Синя. Так, Синь Лин отмечает,¹⁷ что гоголевский Поприщин — действительно отвечает определению «маленький человек»: это пошлый эгоист, сосредоточенный только о своих интересах, когда же в конце повести он оказывается бессилем, он просит о помощи. Герой же «Дневника сумасшедшего» — напротив — храбрец, сосредоточенный на поиске истины. Наблюдая за окружающими, он открывает страшную правду: он живет в мире людоедов. Но, понимая свое бессилие, он с надеждой обращается в будущее: когда-нибудь «на земном шаре не потерпят людоедов». Его крик — мессианский клич: он молит не о своем спасении, но о спасении человечества.

¹⁵ Из этих же заключений в целом исходят и русские советские литературоведы (см., например: *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература. М., 1988. С. 226–231).

¹⁶ *Чай Сяоянь.* Указ. соч. С. 10; *Рогов В. В.* Указ. соч. С. 3.

¹⁷ *Синь Лин.* Рассуждение о различии и сходстве «Записок сумасшедшего» В. Н. Гоголя и «Дневники сумасшедшего» Лу Синя // Вестник Чуанчуньского образовательного института. 2010. № 6. С. 26–27

В отличие от Поприщина этот герой раскрывается как мудрец в его трагической истории жизни.

В-четвертых, все исследователи привлекали критические и публицистические высказывания Лу Синя о Гоголе. Эти автокомментарии оказывали сильное влияние на исследовательское прочтение. Самые известные слова Лу Синя о своей повести: «Гнев в этом рассказе по сравнению с гоголевским более сильный».¹⁸ Эта мысль для многих литературоведов становилась отправной в их рассуждениях. Между тем такие суждения авторов о своих произведениях необходимо оценивать критически. Воспринимая этот тезис буквально, исследователи сосредотачивались на уровне идейного влияния Гоголя на Лу Синя, упуская литературность и художественность повести Гоголя, упуская вопрос о диалоге художников.

В последние десятилетия появляются новые работы, в которых сопоставляются русские и китайские «Записки сумасшедшего». Это в частности статьи: Чи Жуй,¹⁹ Гуан Линлина,²⁰ Синь Лина²¹ и др. Современные исследователи обращаются к новым методам: психологическому, историко-реалистическому, анализируют повести, применяя теорию остранения и т. д. Однако неизменным остается влияние описанной выше исследовательской традиции. Все ученые исходят в своей работе из одного представления: Гоголь — писатель критического реализма, и Лу Синь наследует у него этот метод.

¹⁸ *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 226.

¹⁹ *Чи Жуй.* Заимствование и инновация: Сатира Н.В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Тунхуаского педагогического университета. 2007. № 1. С. 93–96.

²⁰ *Гуан Линлин.* Интерпретация образа сумасшедшего в «Записках сумасшедшего» Гоголя и «Дневниках Сумасшедшего» // Вестник Сучжоуского университета. 2007. № 3. С. 74–78.

²¹ *Синь Лин.* Указ соч.

Похожая ситуация и в русскоязычном литературоведении. Основные работы о Лу Сине на русском языке написаны советскими литературоведами. Для них также характерно представление о сатирическом и социально-критическом направлении обоих писателей. Самая полная работа на русском языке, содержащая сравнение двух повестей, — работа Е. А. Серебрякова²² — примыкает к описанной выше трактовке вопроса китайскими литературоведами. Среди статей последних лет нужно назвать также работу Е. В. Суровцевой «О влиянии Н. В. Гоголя на Лу Синя»,²³ которая в очень значительной степени зависит от статьи Е. А. Серебрякова.

Итак, вопрос о связи двух повестей исследуется давно, к нему много раз обращались, но нельзя сказать, что он исчерпан. Многие мнения, которые мы привели, кажутся сейчас устаревшими. За последние несколько десятилетий и в российском, и отчасти в китайском литературоведении очень изменились взгляды на историю литературы, на характер литературного развития.

Исследователи, освободившиеся от влияния политической идеологии, обращают внимание на новые проблемы в изучении этих произведений. В работах до 1990-х годов многие из этих проблем ускользали от них. Например, Ду Вэй и Сюй Цзяфан в работе «Наше мнение о “Дневниках сумасшедшего” Лу Синя в сравнении с “Записками сумасшедшего” Гоголя» считали, что главное значение двух повестей — общественное: писатели призывают революцию; поэтому ставятся соответствующие вопросы: чей образ сумасшедшего более глубокий, кто в своей повести более глубоко / остро бичевал существующие социально-политические порядки.²⁴ Близкие

²² *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 226–232.

²³ *Суровцева Е. В.* О влиянии Н. В. Гоголя на Лу Синя // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 18.04.2017).

²⁴ *Ду Вэй, Сюй Цзяфан.* Наше мнение о “Дневниках сумасшедшего” Лу Синя в сравнении с “Записками сумасшедшего” Гоголя // Вестник Цзичжоуского университета

взгляды высказывает Е. А. Серебряков. Оба писателя, по его мнению, реалисты.

Между тем сегодня исследователи Гоголя видят в нем не только реалиста, они говорят о множестве сложных смыслов, которые соединяются в его произведениях. В ходе эволюции литературоведческих подходов и методов, представления исследователей обновились, и кругозор расширился. Когда китайские ученые сравнивают две повести, они всегда хотят подвести какой-то итог: чья повесть лучше, чья мысль более глубокая, чьи образы более великие и так далее. При таком подходе теряется литературность и художественность двух повестей.

Таким образом, мы считаем необходимым вновь вернуться к сопоставлению двух произведений, учитывая современные представления литературоведов о творчестве Гоголя, об истории русской литературы, а также о природе художественного литературного произведения.

1.3. Динамика восприятия творчества Гоголя в российском литературоведении: «Записки сумасшедшего» в интерпретации исследователей XX–XXI веков

Творчеству Гоголя в русскоязычном литературоведении посвящено большое количество работ. Можно назвать много работ о «Записках сумасшедшего» — от критических статей В. Г. Белинского,²⁵ который писал еще при жизни Гоголя, до исследований современных литературоведов.²⁶ Нетрудно заметить, что взгляды критиков и ученых на Гоголя изменялись с течением времени. Чтобы проследить, какие это были изменения, сравним

(Академия философских наук). 1986. № 3. С. 29–35.

²⁵ См., например: *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 259–308.

²⁶ См., напр.: *Скрипник А. В.* Общественно-литературный фон повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.

две работы: главу из книги Г. А. Гуковского «Реализм Гоголя»²⁷ (1940-х годов) и статью В. М. Марковича «Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя»²⁸ (2000-х годов). Эти авторы выражают две точки зрения, две интерпретации, к которым так или иначе тяготеют другие исследователи.

Сопоставляя две эти интерпретации повести «Записки сумасшедшего», можно заметить много общих взглядов и наблюдений у двух ученых, но важно и различие мнений. Оба прочтения достаточно аргументированы: хотя работа В. М. Марковича более современная, но и в работе Г. А. Гуковского его точка зрения поддерживается очень убедительно.

Г. А. Гуковский мало говорит о духовном состоянии человека, героя. Он сосредотачивается на реалистической стороне повести и анализирует ее очень подробно. Причина трагедии Поприщина — маленького человека, по мнению ученого, в социальном строе, в несправедливости, которая является основой общественного устройства.

Безумие героя Гоголя — иного рода, чем в произведениях его современников (романтиков). Безумцы-романтики живут в мире мечты. Гоголь в «Записках сумасшедшего» изобразил такого пошляка, который живёт в условиях дикой действительности. Хотя у Поприщина тоже есть мечта, но она основана не на противопоставлении высокого идеала и низкой действительности (как у романтиков), а на основе его эгоизма. Он не стремится изменить мир, но хочет в этом уже существующем мире занять более удобное положение. Сущность безумия у Гоголя (по мнению Г. А. Гуковского) — зло сословного строя и «денежного наваждения».²⁹ В «Портрете», «Невском проспекте», «Записках сумасшедшего»

²⁷ Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.

²⁸ Маркович В. М. Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя // Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего: Повести. СПб.: Азбука, 2012. С. 5–30.

²⁹ Гуковский Г. А. Указ. соч. С. 302.

осуществляется суд над укладом, который разрушает жизнь маленького человека.³⁰

В. М. Маркович рассматривает единый мир «петербургских повестей» Гоголя (связи между отдельными повестями цикла очень значимы). Во всех этих повестях Гоголь изобразил «сумасшедшую природу» и истории безумцев. Например, в повести «Портрет» художник Чертков променяет свой талант на успех и общественное положение, но в конце концов оказывается «наказан» и начинает чувствовать безумие. В повести «Невский проспект» художник Пискарев — психически здоровый человек, но часто впадающий в бредовое состояние, как душевнобольной. В «Носе» коллежский асессор Ковалев теряет свой нос, как только он просыпается, а по развитию сюжета повести встречает свой нос в реальной жизни (наяву). В течение того времени, что нос отсутствует, Ковалеву кажется, что он относится к этой реальной действительности, как будто он уже сошёл с ума. В «Записках сумасшедшего» целиком показана история болезни безумца Поприщина. И в «Шинели» также изображается абсурдное ненормальное общество.

С точки зрения В. М. Марковича, в этих повестях Гоголь изобразил такой мир, в котором нарушаются законы логики. Объяснение этому такое: этот мир ослеплен дьяволом. Пороки общества — ложь, несправедливость, господство материальных ценностей, равнодушие людей друг к другу, власть звания и чина над человеческой личностью — это «болезнь духа». Идеи Просвещения уже не влияют на жизнь людей, разум перестает быть ценностью, у человека остаются только материальные интересы.

В целом, сравнивая две интерпретации, можно заключить: по мнению Г. А. Гуковского, причина несчастья Поприщина — это социальные проблемы, а по мнению В. М. Марковича, — универсальные противоречия.

Оба исследователя отмечают, что тема безумия была популярна у современников Гоголя, но в «Записках сумасшедшего» она трактуется

³⁰ Там же.

необычным образом. Романтики изображают безумца-мечтателя, Гоголь — настоящего сумасшедшего, который погружен в мир действительности.

В обеих работах говорится о важности в «петербургских повестях» темы чиновничества, чина, заменяющего личность. Чиномания делает человека сумасшедшим. Связь безумия Поприщина с проблемой чина два исследователя видят по-разному. Говоря о любви Поприщина к дочери начальника, В. М. Маркович, замечает, что этот вечный неразрешенный конфликт — не оправдавшаяся любовь — отчасти стал причиной сумасшествия. Г. А. Гуковский считает, что в действительности Поприщин совсем не любит Софи, он любит только чин её отца, её положение: даже платок её тоже имеет чин, который выше его. Получается, что Поприщин сходит с ума из-за своего «малочинства». Обе эти точки зрения кажутся с разных сторон убедительными.

Образ главного героя два исследователя тоже оценивают по-разному. В. М. Маркович видит в нем лирические черты. В конце повести, когда Поприщин оказывается в сумасшедшем доме, он жалобно просит: «Матушка, спаси твоего бедного сына!». Это *лирический монолог*. Поприщин оказывается похожим на романтического героя: он видит в сознании помешательства Италию, море, тройку, избушку, свою матушку. Г. А. Гуковский же считает, что это патетический монолог — протест пробудившейся личности против угнетения.

Здесь снова проявляется различие двух интерпретаций. Г. А. Гуковский видит в повести социальный конфликт — противоречие, которое порождено определенными историческими условиями, и которое должно быть разрешено. В. М. Маркович говорит о чертах романтического конфликта, то есть об универсальном вневременном противоречии.

Те исследователи, которые принимали точку зрения Г. А. Гуковского, развивали ее дальше и говорили о критическом реализме Гоголя. Цель повести, по их мнению, — посредством гротеска показать пороки общества, сатирически изобличить бюрократическую иерархию, которая разрушает

личность; наметить возможность победы над этими пороками (финал повести они рассматривают однозначно как «пробуждение» героя от безумия). Именно так понимает повесть Е. А. Серебряков.³¹

Другие ученые, развивают точку зрения близкую мнению В. М. Марковича. Гоголь изображает вечную борьбу добра и зла, Бога и дьявола, вечный поиск истины и правды. Победа над злом начинается не с переустройства мира, а с обновления души человека. Будет ли эта победа, Гоголь не говорит — в финале Поприщин так и не освобождается от сумасшествия.

Два эти взгляда на «Записки сумасшедшего» отражают разные этапы понимания и осмысления литературоведами творчества Гоголя. Нельзя говорить о правильных и неправильных объяснениях: по мере развития человеческого сознания, взгляды на литературу меняются. Современники Гоголя и критики 1850-х–1860-х годов видели в нем сатирика и борца с социальным злом; в эпоху модернизма говорят о религиозных и вечных конфликтах в гоголевском творчестве; советские литературоведы говорят о критическом реализме Гоголя; современные исследователи находят у него сочетание романтического, сатирического, религиозного — сложные универсальные смыслы.

1.4. Лу Синь как писатель начала XX века

В обзоре научной литературы, посвященной проблеме влияния Гоголя на Лу Синя, мы показали, что почти все авторы опираются на то представление о гоголевском творчестве, которое предлагает Г. А. Гуковский или его последователи. И все ученые считают, что Лу Синь прочитывал и понимал Гоголя именно так (тут ссылаются на собственные высказывания Лу Синя).

³¹ *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 226–232.

Однако вопрос о том, как Лу Синь мог воспринимать Гоголя, каково было гоголевское влияние в рассказе «Дневники сумасшедшего», не такой простой. Важно помнить, что сам Лу Синь пишет почти через сто лет после Гоголя. Он современник русских и европейских модернистов. Он внимательно читает А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, А. М. Горького. Они тоже оказывают на него влияние.³² Кроме того китайский писатель, как и русские авторы того времени, приобщается к современной ему западной философии: он читает Ф. Ницше и др.

Русские модернисты значительно расширили представление о творчестве Гоголя. Именно они впервые обратили внимание в частности на те смыслы, которые выявляет в повестях Гоголя В. М. Маркович в разобранной выше работе. Сами они в своих произведениях тоже определенным образом усваивали гоголевский опыт.³³ Модернисты оказывались видеть в Гоголе только критического реалиста и сатирика.

Уместно поставить вопрос: не могли ли модернисты оказать воздействие на восприятие Гоголя Лу Синем? Тогда характер гоголевского влияния в «Дневнике сумасшедшего» необходимо пересмотреть. Именно этот ракурс темы, эта проблема будет центральной в нашем исследовании.

³² См. об этом: *Эйдлин Л.* О сюжетной прозе Лу Синя // Лу Синь. Повести. Рассказы / Под ред. И. Федоренко. М., 1971.

³³ См. об этом, например: *Тихомиров Д.* С. Н. Гоголь и Л. Андреев: большие проблемы «маленького человека» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. № 2 (43). — С. 351–358.

Глава 2. Проблемы изучения повести Гоголя «Записки сумасшедшего»

Название нашей работы — безумие как тема и художественный прием в «Записках сумасшедшего» Гоголя и Лу Синя. Прежде чем описывать влияние русского автора на китайского, необходимо рассмотреть, как раскрывается тема безумия и прием «рассказ от лица безумца» в произведении Гоголя. Нужно проследить, какой литературный контекст был важен для Гоголя, когда он писал свою повесть. Затем нужно проследить, как воспринимали Гоголя в ту эпоху, когда к его творчеству обратился Лу Синь. Творчество Гоголя очень многосторонне исследовано в современно русском литературоведении, поэтому в этой главе мы будем опираться на работы ученых, писавших о «Записках сумасшедшего»: Г. А. Гуковского, Ю. В. Манна, В. М. Марковича, О. Г. Дилакторской, И. В. Карташовой, А. В. Скрипник и др.

2.1. Литературный контекст повести «Записки сумасшедшего»: тема безумия и образ безумца в русской литературе

Тема безумия и образ безумца имеют большую историю в русской литературе. Символическое представление о безумце как о мудреце, о «мудрости безумца» появляется уже в древнерусской культуре. В средневековой христианской культуре было возможно отношение к безумцу как к пророку. «Сумасшедшим» кажется человек, который смотрит на мир иначе, чем другие люди, и по своему необычному взгляду говорит то, что не говорят и не видят другие. Считалось, что такой безумец близок к Богу. Поэтому его почитали. Можно привести как пример почитания юродивых в

Древней Руси легенду о Василии Блаженном. Многие исследователи Гоголя видят в образе Поприщина черты юродивого, пророчествующего безумца.³⁴

В эпоху Просвещения это представление меняется. С развитием общества европейские идеи о просвещении и гуманизме дошли до России и начали сильно влиять на разные стороны общественной деятельности. Люди начали понимать всё по-новому: теперь главное место в мире занял человек, а не Бог. Главная ценность в человеке — разум. Поэтому безумие (отсутствие разума) оценивается однозначно отрицательно. Тот, у кого нет разума, не похож на человека, но похож на животное.

В начале XIX века в романтизме появляется другой взгляд. Романтики тоже обратили внимание на тему безумия, но понимали ее уже по-другому и создали другой образ безумия в своих произведениях. Для них тоже характерно представление об особой мудрости безумца. Они видят мир как двойственный, разделенный на две сферы: реальную и идеальную. Обычные люди видят только реальный мир, действительность. Герой, который может видеть идеальный мир, кажется всем сумасшедшим. То есть он видит и знает больше, чем все. Но другие не понимают его. Тема безумия была очень популярна у романтиков.³⁵

Особое место занимает в литературе этого времени герой-безумец из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». Евгений стремится к личному счастью, но не может противостоять реальности. Внешние силы (катастрофа) разрушают его счастье. Это делает его сумасшедшим. Но безумие заставляет его бунтовать против реальности. Он высказывает причины несчастья (своего и многих людей). Он говорит те слова, которые другие нормальные люди не

³⁴ См., например: *Кулешов В. И.* История русской литературы XIX века. М., 2004. С. 286.

³⁵ См. об этом: *Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 300–301; *Скрипник А. В.* Указ. соч. С. 14–15.

смогли высказать. Ученые также говорят о связи образов безумцев в поэме Пушкина и повести Гоголя.³⁶

В повести «Записки сумасшедшего» тема безумия раскрывается по-новому. Гоголь изображает не «мудреца», а настоящего больного сумасшедшего. Это заметили уже современники. В. Г. Белинский писал: «Возьмите “Записки сумасшедшего”, этот уродливый гротеск, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмешку над жизнью и человеком, жалкою жизнью, жалким человеком, эту карикатуру, в которой такая бездна поэзии, такая бездна философии, эту психическую *историю болезни*, изложенную в поэтической форме, удивительную по своей истине и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит и возбуждает сострадание».³⁷

То есть несправедливый и уродливый мир делает героя настоящим безумцем. Эту точку зрения Белинского развивает Г. А. Гуковский: «Поприщин, не поэт, не вдохновенный фантазер-мечтатель, а попервоначалу и сам пошляк, типичнейшее проявление низменнейшей среды “филистеров”-обывателей. И безумие у Гоголя показано не как прорыв свободного духа в сферу “надзвездного”, а в объективном, клинически-медицинском анализе, “истории болезни”, по слову Белинского. И это — не счастье души, а ужасное несчастье. И основание этой темы у Гоголя — вовсе не вечное стремление духа за пределы объективного, а дикие условия действительности, калечащие человека».³⁸ То есть здесь образ безумного мира: власть чина и денег ослепили душу человека.

³⁶ См., например: *Макогоненко Г. П.* «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего»: (Из истории творческих отношений гоголя и Пушкина) // Вопросы литературы. 1979. № 6; *Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 301–302.

³⁷ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 297.

³⁸ *Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 301.

Но мы видели, что другие ученые говорят о том, что для повести Гоголя важны и другие контексты, которые мы привели. В. И. Кулешов сравнивает Поприщина с юродивым, говорящим правду о мире. В. М. Маркович, сравнивает его с героем-романтиком (в последней записи Поприщина он видит лирический монолог и мечтания). Также В. М. Маркович говорит о том, что разум (главная ценность) исчез из мира, где живет Поприщин. Еще один контекст, который важен для Гоголя, — религиозный. Мир стал безумным, потому что он захвачен демоном.³⁹

После Гоголя тему безумия в русской литературе развивает, например, Ф. М. Достоевский. Как произведение о безумии можно прочитать роман «Преступление и наказание». Главный герой совершает убийство, чтобы подтвердить свою идею. После преступления у него появляются признаки безумия. Из-за его ненормального поведения, мнительности и странных поступков его друг Разумихин и доктор Зосимов некоторое время считают его сумасшедшим. Его слова все считают словами безумца именно тогда, когда он говорит правду: например, когда он рассказывает, как прятал бы украденное на месте убийцы. Ему никто не верит, но читатели понимают, что он не сумасшедший. Особенность темы безумия у Достоевского в этом романе — ясное сознание и тщательное мышление. Герой мыслит логично. Но его *одержимость* идеями — это своего рода безумие.

В эпоху модернизма тема безумия тоже занимает одно из важных мест в русской литературе. Так, например, Леонид Андреев в повести «Красный смех» изобразил безумный страшный мир и героя, открывающего это безумие. Люди не мыслят, они живут как растения и работают как бессмысленные машины, война заставляет разрушать мир. Особенность темы безумия у Андреева, в том, что и герой, и автор не видят выхода из жестокого безумия мира: непонятно, можно ли победить зло, может быть, разум исчез навсегда.

³⁹ Маркович В. М. Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя.

2.2. Повествование в «Записках сумасшедшего»

Особый прием, который использует Гоголь в своей повести и который потом повторяет Лу Синь, — рассказ от лица сумасшедшего. Это повествование от первого лица. Герой сам рассказывает о себе, и мы видим всё происходящее его глазами, поэтому мы не видим автора, не слышим его голос. Благодаря этому приему получается особый эффект: герой изображает сам себя. Он оценивает мир, а читатель оценивает его самого.

Гоголь использует форму дневника, личных записок. Это должно вызвать интерес и доверие читателей. Дневник — собственная вещь, обычно автор дневника там пишет сам для себя, свои искренние слова или мысли, которые не говорят другим людям. То есть это своего рода внутренний монолог. Форма дневника должна убедить читателя в правдивости героя, в достоверности того, что он описывает.

Читатель начинает читать и принимает логику героя. Сначала мы верим всему, что он говорит. Но постепенно повествование начинает меняться. В нем появляются странные вещи. Мы начинаем сомневаться в том, что говорит автор дневника. Постепенно мы понимаем, что он сумасшедший. Гуковский отмечает, что безумие Поприщина усиливается по ходу повествования, об этом говорят, например, даты в его записках.⁴⁰ И поняв, что он сумасшедший, мы должны перестать доверять его рассказу.

Гоголь через клинические картины изобразил настоящего психически больного человека. Но кроме названия повести, в самом тексте произведения нам нигде не говорится о безумии героя. Автор вводит эту мысль непрямо: читатель по самому рассказу Поприщина должен догадаться о его сумасшествии. Даже в конце повести, когда Поприщин попадает в сумасшедший дом, нам об этом не говорится, мы можем догадываться. Бред

⁴⁰ Гуковский Г. А. Указ. соч. С. 302.

и реальность чередуются в рассказе. Читатели до конца не понимают, где одно, а где другое: они строят догадки, и сами ищут ответ.

Зачем Гоголь использовал такой прием? В чем его смысл?

Разные исследователи отмечают разные задачи, которые решал Гоголь. Показ мира глазами сумасшедшего — это гротеск.⁴¹ Действительность изображается искаженной. Говорят о сатирической задаче Гоголя: показать, что делает несправедливое социальное устройство, больной мир с человеком. Цель сатиры — обличить пороки общества, призыв исправить общество, изменить мир (ср.: «для Гоголя главным был вопрос о социальном неравенстве, об угнетенном положении “маленьких людей”»).⁴² Эта задача соответствует принципам критического реализма.

Многие исследователи говорят о финале повести: в конце Поприщин наконец понимает безумие мира и как будто освобождается от своего сумасшествия, повесть заканчивается криком о помощи: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! — Матушка! пожалей о своем больном дитятке!...».⁴³ Здесь автор как будто выносит оценку обществу и миру, осуждает его.⁴⁴

Но другие исследователи говорят еще о другом значении этого приема. Здесь видят не только социальную сатиру. Гоголь изображает мир как царство зла. Он не только обличает пороки общества, он говорит о вечной борьбе добра и зла в мире.⁴⁵ В конце за криком о помощи Поприщин снова возвращается к бреду: «Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?».⁴⁶ Сможет

⁴¹ Ср.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 297.

⁴² *Цянь Чжун-вэнь.* Гоголь в Китае // *Русская литература.* 1959. № 2. С. 193.

⁴³ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л., 1938. С. 214.

⁴⁴ Ср. *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 230.

⁴⁵ См. об этом: *Маркович В. М.* Указ. соч.

⁴⁶ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л., 1938. С. 214.

ли герой избавиться от сумасшествия, сможет ли мир измениться — это вопрос, на который автор не дает ответа. Этот вопрос задан читателям, то есть Гоголь хочет, чтобы читатели сами искали истину, как победить зло.

2.3. Проблема читательского восприятия повести «Записки сумасшедшего»

Уже из нашего обзора видно, что разные ученые и критики предлагали много разных объяснений гоголевской повести. То есть само произведение можно понимать по-разному. И в разные эпохи, действительно, читатели находили в нем разные смыслы. Для нас важно разобраться, какие интерпретации гоголевского произведения могли быть близки Лу Синю, какие мнения могли влиять на его восприятие.

Современники Гоголя и критики середины XIX века в целом высказывали мнения, похожие на мнение Белинского, что Гоголь гротескно изображает мир, чтобы вскрыть и осудить пороки действительности: общественное неравенство, чиновничество, власть денег, угнетенное положение маленького человека. В 1850-е и 1860-е годы особенно много говорили о реализме Гоголя, а потом о сатире и критическом реализме.

На рубеже XIX и XX веков в ходе развития русской литературы и культуры появляется много новых идей, связанных с новыми течениями модернизма. В это время у разных русских авторов появляется особый интерес к творчеству Гоголя. Это, например, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, В. Я. Брюсов. Но понимают и оценивают Гоголя они уже совсем не так, как критики прошлой эпохи.

В это время уже все признают Гоголя классиком. А классическая литература всегда остается актуальной: в ней есть что-то, что значимо в каждую эпоху. Модернисты смотрят на Гоголя, как если бы он был их современником, находят в нем близкое своему мировоззрению. Они уже не говорят о реализме Гоголя. В. Я. Брюсов в статье «Испепеленный» (1909)

пишет: «После критических работ В. Розанова и Д. Мережковского невозможно более смотреть на Гоголя, как на последовательного реалиста, в произведениях которого необыкновенно верно и точно отражена русская действительность его времени. Напротив того, Гоголь, хотя и порывался быть добросовестным бытописателем окружавшей его жизни, всегда, в своем творчестве, оставался мечтателем, фантастом и, в сущности, воплощал в своих произведениях только идеальный мир своих видений».⁴⁷

Брюсов оспаривает мнение о реализме Гоголя, о том, что Гоголь изображает реальную жизнь такой, какая она есть. Критик приводит против этого следующие аргументы. В произведениях Гоголя очень часто изображаются совершенно фантастические картины. Особенно это важно в «петербургских повестях». Так, нос коллежского асессора Ковалева убежал с его лица и стал чиновником; Башмачкин после смерти становится призраком и начинает мстить за свою обиду.

В «Записках сумасшедшего» тоже много фантастического. Брюсов замечает, что мы видим как бы двух Поприциных: один бедный пошлый чиновник, другой — испанский король. Две линии рассказа идут параллельно: в мире своих фантазий Поприцин постепенно возвышается в статусе, а в реальном мире в конце концов оказывается в сумасшедшем доме. В финале, когда герой после монолога-мольбы о спасении снова оказывается в мире своего бреда, у читателей разрушаются все надежды на возрождение героя. Так, по словам Брюсова, «как фантастические повести Гоголя, так и его реалистические поэмы — равно создания мечтателя, уединенного в своем воображении, отделенного ото всего мира непреодолимой стеной грезы».⁴⁸

Есть еще одна особенность творчества Гоголя, которая, по мнению Брюсова, говорит против его реализма. Главный прием у Гоголя — гипербола: всё изображается в преувеличенном виде. «Вся сила его

⁴⁷ Брюсов В. Я. Испепеленный // Н. В. Гоголь: Pro et contra / Сост. С. А. Гончаров. Т. 1. СПб., 2009. С. 447.

⁴⁸ Там же.

творчества в одном единственном приеме: в крайнем сгущении красок. Он изображает не то, что прекрасно по отношению к другому, но непременно абсолютную красоту; не то, что страшно при данных условиях, но то, что должно быть абсолютно страшно».⁴⁹ Так изображается и петербургский мир в «петербургских повестях»: это преувеличенное изображение зла, ужасов жизни.

Д. С. Мережковский в своей работе «Гоголь и чёрт» по-другому, чем критики середины XIX века, описал главный конфликт произведений Гоголя. Раньше говорили, что Гоголь сатирически изображает мир, который губит человека, враждебен и несправедлив к человеку. Причина зла — неправильное общественное устройство, среда. Мережковский говорит, что Гоголь в своих произведениях борется с чертом. Это метафора.

Что такое чёрт, по Мережковскому? «Гоголь первый увидел черта без маски, увидел подлинное лицо его, страшное не своей необыкновенностью, а обыкновенностью, пошлостью; первый понял, что лицо черта есть не далекое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, вообще реальное “человеческое, слишком человеческое” лицо, лицо толпы, лицо “как у всех”, почти наше собственное лицо в те минуты, когда мы не смеем быть сами собой, и соглашаемся быть как все».⁵⁰

Чёрт — это силы зла. Но это зло, по мысли Мережковского, Гоголь видит не во внешнем враждебном по отношению к человеку мире, а внутри самого человека, в его душе. То есть конфликт, который описывает Гоголь, — это не противостояние человека и злого мира, это страшная и сложная борьба добра и зла внутри самого человека. Получается, что цель Гоголя — сначала вызвать изменение души человека, а потом только мира.

Мережковский отмечает, что Гоголь в своем творчестве показывает переломный момент: весь многовековой уклад, весь мир, всё человеческое

⁴⁹ Там же. С. 453.

⁵⁰ *Мережковский Д. С. Гоголь и черт // Н. В. Гоголь: Pro et contra / Сост. С. А. Гончаров. Т. 1. СПб., 2009. С. 350.*

бытие должны измениться обновиться. А сначала должен обновиться сам человек.

В «петербургских повестях» показана безумная природа, мир в кризисном состоянии. Опираясь на мысли Брюсова, можно проследить, как создается этот образ безумного мира. Гоголь собирает привычные детали и сосредотачивает внимание читателя на одном предмете и одновременно преувеличивает это описание до крайности — «всё доводил до “высшей степени”, до “верха смешного”, обращал в “неслыханное” и “нечеловеческое”». ⁵¹ О том же говорит и Мережковский: «Он сокращает всякую мысль до последней степени краткости, облегчает её до последней степени лёгкости, отбрасывает её конец и начало...». ⁵² С помощью этого приема гиперболы Гоголь доводит природу до вершины абсурда. Яркий пример в «Записках сумасшедшего»: пошлый и маленький чиновник стал королем, писатель дал самую гиперболическую возможность вымыслу своего героя.

Критики середины XIX века считали, что цель этого приема — сатира: показать неразумность существующего мира по сравнению с нормой разума. То есть они считали, что Гоголь противопоставляет некую известную или бывшую ранее норму тому, что есть сейчас. Критики модернисты считают, что Гоголь еще не видит, каким должен быть нормальный мир. Он считает, что преобразование мира может совершиться, но это будет что-то еще небывалое. Мир изменится, когда изменятся сами люди. Это выводит от конкретного исторического момента, изображенного в повестях (России времени николаевского царствования), к вечности, к будущему, к которому человек вечно стремится. Это стремление, по мысли Мережковского, у Гоголя символически изображается в образе тройки: в конце «Записок сумасшедшего» Поприщин хочет на быстрой тройке убежать из этого мира, в

⁵¹ Брюсов В. Я. Испепеленный. С. 458. Это похоже на теорию «остранения» В. Шкловского.

⁵² Мережковский Д. С. Гоголь и черт. С. 356.

конце «Ревизора» Хлестаков убежал на тройке, тройка также спасает Чичикова в «Мёртвых душах».

В «петербургских повестях» Гоголь создал Петербург как город самый фантастический на земном шаре и в то же время реальный. В нем показана вечная проблема — конфликт добра и зла внутри человека. Реальность, созданная Гоголем, не так прямо относится к исторической реальности, как писали многие литературоведы. Брюсов говорит: Гоголь в своих произведениях создал мечты, «но сделал их как бы реальнее самой реальности, заставил ближайшие поколения забыть действительность, но помнить им созданную мечту».⁵³

Эти смыслы открыли в творчестве Гоголя критики-модернисты. Их современники-писатели (например, Л. Андреев), тоже видели Гоголя иначе, чем в предшествующие десятилетия. Этот взгляд обусловлен движением истории и культуры в конце XIX – в начале XX века.

Лу Синь — современник модернистов. Изучая европейскую литературу, философию и культуру, он тоже знакомился с их идеями, их мировоззрение влияло на него. Уместно поставить вопрос: могли ли эти взгляды русских писателей-современников Лу Синя повлиять на его восприятие Гоголя? Могло ли это отразиться в рассказе «Дневник сумасшедшего», замысел которого был связан с гоголевской повестью?

⁵³ Брюсов В. Я. Испепеленный. С. 458.

Глава 3. «Дневник сумасшедшего» Лу Синя в аспекте гоголевского влияния

Наша задача сопоставить произведения Гоголя и Лу Синя и описать влияние русского автора на китайского. Многие исследователи, как мы показали выше, говорили об этом влиянии как о прямой преемственности об «ученичестве» Лу Синя, о заимствовании гоголевской идеи, его метода и приемов. Нам эта проблема кажется гораздо более сложной. Чтобы понять, в чем именно состоит гоголевское влияние, нужно проследить, какие еще литературные и культурные контексты были важны для Лу Синя, когда он создавал свой рассказ. Еще необходимо понять, как Лу Синь мог воспринимать произведения Гоголя, на какие из существующих в то время интерпретаций гоголевского творчества он мог опираться.

3.1. Тема безумия и образ безумца в повести Лу Синя: «гоголевский» и «негоголевские» контексты

Лу Синь живет и творит в переходное время, на рубеже эпох старой и новой культуры. Две культуры, две идеологии, вступающие в противоречие, одинаково важны для Лу Синя и одинаково воздействуют на его творчество. Если мы посмотрим на биографию Лу Синя, то увидим, что он получил классическое образование. В детстве в частной школе классического направления он изучал «Четыре книги и пять канонов»⁵⁴ и получил глубокое знание традиционной китайской литературы и культуры. Позже, став уже студентом в Японии, он изучал естественнонаучные дисциплины и

⁵⁴ Четыре книги («Луньюй», «Мэнцзы», «Дасюе», «Чжуньюн») и пять канонов («Ицзин», «Шу-цзин», «Шицзин», «Лицзи», «Чуньцю») являются началом классической китайской литературы.

приобщился к современной ему европейской культуре, литературе и научному знанию. К литературному творчеству Лу Синь обращается лишь после зарубежного обучения. Произведения Лу Синя имеют двойственный характер, в них сочетаются эти два культурных мировоззрения — традиционное китайское и современное европейское.

Тема безумия и образ безумца в «Дневнике сумасшедшего» Лу Синя, конечно, отсылают в первую очередь к Гоголю. Это неоднократно заявлено и самим Лу Синем в его публицистических высказываниях. Однако он живет в совершенно иной культурной среде и пишет для читателей не знакомых с Гоголем. Поэтому, очевидно, не только гоголевский контекст, но и традиция китайской литературы подразумевается автором.

На это бегло указывает в своей работе Е. А. Серебряков: «Воссоздавая столкновение личности с обществом, Лу Синь учитывал и традицию китайской литературы, в которой образ безумца занимал важное место. <...> В древнем памятнике «Ши цзин», содержащем песни XII–VI вв. до н. э., имеется следующее обращение к бесчестному правителю:

Если ж бессмысленно всех ты неволишь,
Правым считаешь, себя одного лишь,
Прихоти следуешь только — и вот,
В ярость безумья приводишь народ!»⁵⁵

Кроме того, он приводит и еще один пример: «“Сумасшедшим”, “безумцем” называли великого поэта Цюй Юаня, который не смог смириться с господствующими при дворе нравами и покончил с собой, сохранив верность идеалам».⁵⁶

Действительно, в китайской классической литературе образ безумца встречается нередко. Можно дополнить наблюдения Е. А. Серебрякова еще несколькими примерами.

⁵⁵ *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 228.

⁵⁶ Там же.

1). В классическом китайском романе У Цзинцзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианцев» (1749) есть один эпизод под названием «Фань Цзинь сдал столичные экзамены». Здесь изображен неуспешный человек, который, с молодости начав участвовать в столичных экзаменах, пытался сдать их в течение 30 лет. Только в 54 года ему удается сдать экзамены. Он получает императорский указ об успешном результате и о награждении его цзюйэнем (второй из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при дин. Мин и Цинн). От радости он временно превращается в безумца и теряет память. «Протрезвиться» от помешательства ему помогает только пощёчина тестя.

2). Еще один пример обнаруживаем в «Речных заводах» Ши Найань (XVI в.), одном из четырех великих китайских романов. В 39-ой главе его есть эпизод о безумии. Главный герой романа Сун Цзян в опьянении пишет на стене ресторана «крамольное» стихотворение против правительства. Узнав от друга, что ямэнь (военное и гражданское учреждение) собирается его арестовать, он приходит в ужас и не знает, что делать. Его друг советует ему, чтобы спастись, изобразить истерику и принять вид сумасшедшего. Сун Цзян следует совету: в ямэне он плачет, ругается и даже лежит в собственных испражнениях. Все принимают его за сумасшедшего и не верят, что он мог написать такое «умное» стихотворение. Герой выходит сухим из воды.

3). В романе Цао Сюэцинь «Сон в красном тереме» (XVIII в.), наиболее популярном из четырех классических китайских романов, также есть эпизод безумия (в 25 главе). Изображается семья, из-за противоречия, разделившаяся на две части. Глава одной и сторон (Чжао Инян) просит ведьму проклясть своих противников (двух главных героев романа Бао Юй и Си Фэн) и превратить их в безумцев. После тайного колдовства Бао Юй и Си Фэн действительно становятся безумцами. Позже они просят одного даосского монаха изгнать демонов и нечисть из их тел, и только после богослужения герои вновь становятся нормальными.

В китайской классической литературе можно найти еще множество примеров изображения безумия, но мы ограничимся приведенными. Так, в китайской литературе до Лу Синя тема безумия имела три линии, связанные с тремя причинами безумия. Первая: герой становится сумасшедшим из-за жизненной случайности; вторая: герой притворяется безумным и дураком; третья: герой делается безумцем из-за нечистой силы.

Сравнив приведенные эпизоды из классических романов с «Дневниками сумасшедшего», мы можем заметить, что Лу Синь наследовал и китайской литературной традиции. Так, герой «Дневников сумасшедшего», подобно Фань Цзиню, сначала превращается в безумца, а потом становится нормальным человеком. Есть у него сходство и с Сун Цзян: сам он считает себя трезвым и здоровым, он понимает сущность жизни и разгадывает намерения других, поэтому после встречи с врачом пишет: «Я не мог сдержаться и расхохотался. Я был очень доволен. В моем смехе была смелость и прямота». ⁵⁷ Это поведение похоже на то, как будто он прикидывается сумасшедшим. Третья линия — одержимость нечистой силой — тоже проходит в рассказе Лу Синя: людоедство символически осмысливается как одержимость мира злом.

Таким образом, мы видим, что наряду с гоголевским влиянием в «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя ощутима и традиция изображения безумия, восходящая к классической китайской литературе. Хотя Лу Синь в своих произведениях критикует старый мир, старую культуру, он не говорит о необходимости или возможности полного её уничтожения, полного отказа от традиции. В статье «Приносизме» он писал о том, как он считает нужным относиться к китайской традиционной и новой европейской культуре: «взять зерно и отбросить шелуху».

⁵⁷ Лу Синь. Повести. Рассказы / Под ред. И. Федоренко. М., 1971 (Библиотека всемирной литературы). С. 53.

Этот важный контекст необходимо учитывать, чтобы понять, что же в действительности Лу Синь берет у Гоголя: чему и как он у него учится, «заимствует» или творчески переосмысляет идеи и приемы (и какие)?

Как мы показали в предыдущей главе, Гоголь уходит от романтической традиции изображения безумца-мудреца, знающего истину. Поприщин, действительно, безумен, он уклонился от истины, — так же, как и окружающий его мир. Для Лу Синя важным и значимым является гоголевский прием — показать безумие мира через безумие героя. Но в том, как он применяет этот прием, есть отличие от гоголевской повести, сближающее «Дневники сумасшедшего» с китайской традицией.

Е. А. Серебряков указывает на «Записки историка» Сыма Цянь (145–87 гг. до н. э.), где речь идет о великом китайском поэте Цюй Юане, которого называли «безумцем», так как он не смог смириться с господствующим при дворе нравами и покончил с собой, сохранив верность идеалам.⁵⁸ В период Чуньцю (770–476/403 гг. до н. э.) и Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н. э.), когда объединённого Китая ещё не существовало, Цюй Юань был начальником уезда под царством «Чу». Он хотел помочь императору «Чу» объединить Китай, но невежественный и глупый император не послушал совета Цюй Юаня, объявил его сумасшедшим и отправил в ссылку. Цюй Юань говорил правду об опасном состоянии царства, и его слова впоследствии сбылись.

Герой Лу Синя, который противостоит миру, оказывается ближе именно к этому мудрецу-безумцу из древней китайской истории,⁵⁹ а не к гоголевскому Поприщину, который отнюдь не противопоставлен окружающей реальности, не вознесен над ней. С другой стороны, Лу Синь,

⁵⁸ *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 228.

⁵⁹ Ср. также наблюдения Е. А. Серебрякова: «В Китае считалось, что устами сумасшедшего порой глаголет истина. <...> “В речах безумца совершенномудрый найдёт правдивые слова”, — сказано в знаменитых “Записках историка” Сыма Цяня» (*Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 228).

бесспорно, следует по пути Гоголя в следующем: идея безумия мира и необходимости его обновления не просто сообщается читателю, как аллегория, наставление или поучение. Автор внушает ее читателю, изображая внутренний мир героя, психологически разрабатывая образ, заставляя читателя проникнуться его переживаниями. Этот метод был незнаком старой китайской литературе. Этому служит и форма дневника, также явно гоголевская.

Итак, основная художественная идея, воспринятая Лу Синем у Гоголя, — изображение мира глазами безумца как возможность показать «безумие» и противоестественность отношений между людьми. Но воплощает эту идею Лу Синь с опорой на китайскую литературную традицию. Это обуславливает ряд несходств с гоголевской повестью. Проследим некоторые из них.

Во-первых, это уже упомянутое нами различие в положении героев в мире и относительно мира. Герой Лу Синя принадлежит к господствующему классу: он хорошо образован (имеет классическое образование), что говорит о его знатном происхождении. Он вознесен в мире над другими людьми, но между тем, он не видит никакого различия между людьми разных классов — мир един для него, все люди одинаково заражены людоедством. Он противопоставляет себя всему этому миру. Поприщин же наоборот — беден, малообразован и занимает очень низкое положение в обществе, но не отделяет себя от этого общества. Порядок вещей в мире кажется ему вполне нормальным, логичным. Если сумасшедший Лу Синя напоминает героя, то у Поприщина нет ничего героического (только в финале он кажется «героем», но это лишь на несколько мгновений).

Оба персонажа — и у Гоголя, и у Лу Синя — одиноки. Но эта черта — одиночество — тоже разрабатывается писателями по-разному. Поприщин одинок: его мир — это канцелярия и несколько знакомых улиц. Однако он одинок не потому что не похож на других людей, отвержен ими или сам от них удаляется. Наоборот — он похож на всех, кто его окружает. Просто

разобщенность людей в этом безумном мире — обычная ситуация. Никто никому не нужен: нужны только чины, власть и т. д. Так, весь мир у Гоголя заражен этим, это и есть признаки душевной болезни, охватившей всех людей. Здоровых в этом мире нет: ни Поприщин, ни кто-либо другой не говорят об обновлении мира. Об этом может думать читатель.

Герой Лу Синя тоже одинок, но совершенно по другой причине, чем Поприщин. Он сознательно противопоставляет себя миру, он разделяет мир людей на две части: здоровые и безумные. Здоровые, с точки зрения героя, — это те, кто не причастен заразе людоедства: он сам и еще не испорченные дети; больные — все остальные. Он считает себя здоровым, но автор в названии повести о нем говорится как о сумасшедшем. Получается что в мире две правды, два представления о норме: что нормально для одних, то безумие для других, и наоборот. Поэтому закономерно звучит в устах героя призыв к обновлению мира, не высказанный героем Гоголя. У Лу Синя именно герой видит катастрофу бытия, у Гоголя только автор.

Но различие не только в том, кто призывает к обновлению (герой или автор), но и в том, как понимается обновление. И Гоголь, и Лу Синь показывают, как мир, среда, атмосфера жизни губительно влияет на человека. У Гоголя это мир, в котором царит чинования, власть денег, разобщенность людей. Общество всех подчиняет этим правилам. И это и есть зло. Лу Синь изображает мир, в котором тысячелетиями господствует конфуцианская традиция, подчиняющая людей, отнимающая их волю, предписывающая им рамки жизни. Человек невольно уподобляется среде: есть фразеологизм — «кто близок к киновари (имеет дело с киноварью) краснеет, кто близок к туши (имеет дело с тушью) — чернеет».

Разница в том, что герой Лу Синя видит еще в мире «здоровые» силы, не затронутые влиянием среды. Обновление для него — спасти их от этого влияния. В мире Гоголя таких здоровых сил нет: сама человеческая природа искажена, поражена дьяволом, злом. Поэтому обновление возможно сначала как победа над злом в своей душе. Герой Лу Синя — борец: он

противопоставляет себя и малую часть еще «не зараженных» миру зла. По мысли Гоголя, борцом должен стать каждый человек: бороться со злом внутри себя. Поэтому и обновление для двух писателей — разное: для Лу Синя это возвращение к первоначальному неиспорченному разумному состоянию; для Гоголя — необходимость открыть какие-то новые истины.

Мы рассмотрели, как раскрывается тема безумия в русских и китайских «Записках сумасшедшего». Идея, которую Лу Синь заимствует у Гоголя, видоизменяется в его рассказе под влиянием китайской литературной традиции. В результате получается совершенно оригинальный взгляд — похожий и непохожий на гоголевский. Теперь посмотрим, как функционирует у Лу Синя художественный прием, примененный Гоголем, — «повествование от лица безумца».

3.2. Особенности повествования в «Дневнике сумасшедшего»

Две повести, которые мы рассматриваем, связывает в первую очередь название: «Дневник сумасшедшего» (или же «Записки сумасшедшего») — прямая отсылка Лу Синя к Гоголю, прямое заимствование. Это название интересно тем, что оно указывает и на форму повествования (записки — письменный рассказ от первого лица) и на особенность повествователя (безумец). То есть, заимствуется сложный художественный прием, сложная повествовательная форма. Попробуем сравнить, как использован этот прием у Гоголя и у Лу Синя (при сопоставлении, конечно, необходимо помнить, что Лу Синь не знал русского языка и знакомился с повестью по переводам).

Главное отличие двух повестей, которое сразу же обращает на себя внимание, в плане построения рассказа — наличие у Лу Синя авторской речи. В повести Гоголя автору принадлежит только заглавие. У Лу Синя есть предисловие, в котором автор сообщает о своем знакомстве с героем, о том,

как к нему попали записки, и о последующей судьбе героя. Это отличие, как представляется, имеет большое значение.

У Гоголя говорит только герой. Причем он с самого начала назван сумасшедшим, значит, мы понимаем, что он ненормален. Что считать нормальным? Автор этого не показывает, ведь авторской речи там вообще нет. Причем эта ситуация рассказа ещё осложнена: герой сходит сума постепенно — в начале повести он кажется нам здоровым, в конце безумным. На это указывает многое, например, изменяющиеся даты в записках.⁶⁰ В первых эпизодах повести перед читателем появляется вроде бы обычный чиновник, все «ненормальности» в его поведении тоже обычны (так, начальник отделения говорит о нем: «Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаешься как угорелый, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберёт, в титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера»⁶¹). Постепенно в записках появляется всё больше странностей, и читатель теряет ощущение нормы, нормального, и начинает видеть перед собой реального клинического сумасшедшего и его бред. Однако парадокс состоит в том, что мир, изображаемый Поприциным, почти не меняется: просто в конце повести фантастический бред героя преувеличивает какие-то черты этого мира, изначально в нем существующие. Например, отношения между людьми определяются принципом чиновничьей иерархии. Это представление не меняется, только в начале самый высокий чин — это «генерал», а в конце — «испанский король».

Причем Поприцин полностью принадлежит тому миру, который он изображает. Он такой же, как все люди. Не только люди, даже собаки ведут себя так же (вспомним переписку собачек, из которой ясно, что у них тоже есть «чины»). Мир, изображаемый глазами сумасшедшего, сам целиком представляется безумным. Ведь другого взгляда на этот мир у нас нет. Автор

⁶⁰ См. об этом выше в разделе 2.2. настоящей работы («Повествование в “Записках сумасшедшего”»).

⁶¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14. т. 3. М.; Л., 1938. С. 193.

не говорит от себя ни слова (кроме заглавия). То есть Гоголь постепенно внушает читателю, что весь мир ненормальный, но при этом не объясняет, что такое норма, не показывает «нормального». Где выход из безумия? Где норма? На эти вопросы ни автор, ни герой не отвечают? Автор как бы обращает этот вопрос к читателю.

Совсем другое построение в «Дневнике сумасшедшего» Лу Синя. Во-первых, предисловие усиливает иллюзию достоверности. Автор говорит о герое как о реальном своем знакомом. Во-вторых, автор дает оценку дневнику: он называет описанное в нем состояние клиническим случаем безумия, «мании преследования». Он говорит о практической цели своей публикации — «я объединил это в одну книгу, чтобы представить ее врачам для изучения».⁶² То есть автор задает представление о норме и безумии.

Затем в основной части повести звучит только голос «безумного» героя. Этот герой, как мы уже говорили, видит себя и мир совсем иначе, чем гоголевский Поприщин. Он противопоставляет себя всем «нормальным» людям — тем, кто нормален с точки зрения автора предисловия (так, например, брат героя кажется ему людоедом, автор же беседует с этим братом как с нормальным о безумце герое). Себя герой считает здоровым, а весь мир — сумасшедшим, всех людей одержимыми злом.

Сопоставим предисловие, в котором выражена точка зрения всего общества, и записки героя, в которых выражен его взгляд. Перед нами два взгляда на мир, которые несовместимы. Здесь как бы два представления о норме, две системы отсчета: для героя общество безумно, для общества герой безумен. Либо одно, либо другое.

Эти два мировоззрения у Лу Синя приобретают символическое значение: их столкновение отражает борьбу старого мира и новой культуры. Это выражено средствами языка. В китайском оригинале предисловие написано мертвым книжными языком («вэньянь»), а основная часть повести

⁶² Лу Синь. Повести. Рассказы. С. 49–50.

современным разговорным языком («байхуа»)⁶³ В предисловии говорит мир традиции, и именно он считает сумасшествием протест героя против векового уклада. Это противопоставление как бы содержит вопрос, обращенный к читателю: кто же на самом деле безумен — мир или герой?

Итак, Лу Синь заимствует у Гоголя форму дневника и прием повествования от лица сумасшедшего. Смысл этого приема — показать читателю привычную ему действительность глазами безумца и обнаружить ее ненормальность, безумие мира, неестественность отношений между людьми. Но гоголевский прием Лу Синь использует по-своему. Это обусловлено культурным и историческим контекстом его творчества. У Гоголя говорит только герой, поэтому в его повести нет выраженного автором представления о норме. Весь мир поражен злом: зло в самом человеке. Ничего нормального не осталось: обновление возможно не как возвращение к норме, но как «преображение» человека, то есть создание новой нормы. У Лу Синя кроме голоса сумасшедшего героя появляется в предисловии голос «здорового автора». У него сталкиваются два мировоззрения, две нормы: многовековая традиция (среда, съедающая личность) и естественные человеческие чувства, не затронутые этой средой.

В обеих повестях как будто звучит вопрос о судьбе мира и человечества. Что будет с безумным миром? Возможно ли его исправить? Как можно совершить обновление?

Сходятся ли Гоголь и Лу Синь в ответе на эти вопросы? Чтобы понять, следует ли здесь Лу Синь за Гоголем, необходимо проследить, как он мог понимать и интерпретировать гоголевский текст.

⁶³ Выше мы уже упоминали, что Лу Синь в это время уже активно участвует в борьбе за реформу письменности, выступает против старого мёртвого книжного языка и за создание нового — байхуа.

3.3. Лу Синь в ряду читателей и интерпретаторов Гоголя

Большинство исследователей, которые сопоставляли повести Гоголя и Лу Синя, опирались на традиционную для литературоведения середины XX века интерпретацию русских «Записок сумасшедшего». Мы рассмотрели эту интерпретацию выше, когда излагали точку зрения Г. А. Гуковского: сумасшествие героя — сатира, изобличающая неразумность мира; в конце повести в герое пробуждается личность, он избавляется от безумия. В этом видели призыв Гоголя изменить мир, его веру в возможность перемен.

Так же объясняли и повесть Лу Синя (и в этом видели влияние Гоголя). Например, Е. А. Серебряков пишет об этом: «...китайскому писателю удалось создать произведение, в котором с огромной обличительной силой показана антигуманная сущность старого общества. Но при этом Лу Синь опирался на духовную поддержку русского классика. Заслуга Лу Синя в том, что безо всяких сомнений он воспринял наследие Гоголя как высокое искусство и как мощную социальную сатиру. Такое понимание гоголевской традиции станет главенствующим в китайском обществе».⁶⁴

Действительно, высказывания Лу Синя в статьях о Гоголе во многом подтверждают это. Современники Гоголя и русские писатели 50-х–70-х годов XIX века видели в Гоголе реалиста и сатирика, борца с социальной несправедливостью. Лу Синь читал этих критиков, и они оказывали влияние на его понимание гоголевского творчества.

Между тем, нужно привлечь еще один контекст, на который исследователи обращали мало внимания. Лу Синь живет на рубеже XIX и XX веков. Изучая европейскую литературу и культуру, он обращается не только к наследию европейских и русских классиков — Шекспира, Гюго, Диккенса, Гоголя. Он активно интересуется литературным творчеством своих современников — писателей конца XIX и начала XX веков, то есть эпохи

⁶⁴ *Серебряков Е. А. Гоголь в Китае. С. 232.*

модернизма. Он читает Ф. Ницше, А. П. Чехова, А. М. Горького, Л. Н. Андреева и др.⁶⁵

Русские модернисты, безусловно, оказали большое влияние на художественное творчество самого Лу Синя (об этом неоднократно писали).⁶⁶ Но нам важно проследить и понять, могло ли творчество русских писателей рубежа веков повлиять на то, как Лу Синь воспринимал Гоголя.

Мы подробно говорили в разделе 2.3. нашей работы (Проблема читательского восприятия повести «Записки сумасшедшего») о том, что в эпоху модернизма русские писатели переосмысляют творчество Гоголя. В. Я. Брюсов и Д. С. Мережковский отказываются видеть в нем реалиста, сатирика, который занимается только критикой общественного устройства. Брюсов говорит о том, что Гоголь создает странный фантастический мир, не похожий на реальность; Мережковский считает, что тема Гоголя — не социальная критика, а вечная борьба добра и зла в душе человека, которая может завершиться или гибелью мира, или его преображением.

Конечно, Лу Синь не читал статьи Брюсова и Мережковского о Гоголе. Но эти взгляды двух критиков были важны для многих русских писателей той эпохи, они выразили новое отношение к Гоголю, которое было близко модернистам. Так, например, Леонид Андреев похожим образом переосмысляет гоголевские темы и образы в своих произведениях, хотя и не

⁶⁵ О своем интересе к русской литературе — в том числе и современной — Лу Синь говорил так: «Я чувствую, что русская культура богаче, чем какая-либо другая иностранная культура. Между Китаем и Россией существует какая-то связь, их культура и история имеют нечто общее. Чехов – автор, которого я люблю больше других. Кроме того, мне особенно нравятся Гоголь, Тургенев, Достоевский, Горький, Толстой, Андреев... Произведения русской литературы переведены на китайский язык в гораздо больших масштабах, чем литература других государств, и оказали самое большое влияние на современный Китай. Упорная борьба в современном китайском обществе – это та борьба, которую можно встретить у русских прозаиков...» (*Петров В. В.* Лу Синь. С. 334).

⁶⁶ См., например: Эйдли Л. О сюжетной прозе Лу Синя. С. 6 и др.

пишет критических статей о Гоголе.⁶⁷ Сама эпоха как бы предлагает еще один взгляд на Гоголя. Можно предположить, что через творчество своих русских современников Лу Синь мог отчасти воспринять этот взгляд, увидеть гоголевский мир похожим образом.

В подтверждение этой мысли рассмотрим две особенности повести Лу Синя в сравнении с гоголевской.

Гоголь в своих «Записках сумасшедшего» использует юмор. Много из того, что пишет Поприцин, смешно. Смешно читать переписку собачек, говорящих как люди; смешны новости, которые читает Поприцин в газетах (о рыбе, говорящей по-человечески, о коровах, которые пришли в лавку за чаем). Но когда в конце записок Поприцин страдает, это уже не смешно. То есть читатель смеется над героем и сострадает ему одновременно. Белинский писал об этом: «вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит и возбуждает сострадание».⁶⁸

В повести же Лу Синя, кажется, вообще нет юмора. В его повести создается атмосфера страха и ужаса, звучит трагическая интонация. Герой постоянно испытывает страх за свою жизнь, и это не смешно. Страх и непонимание — то, что испытывает человек, по отношению к миру. Весь мир изображается как некая враждебная сила, решившая уничтожить человека. Эта картина больше похожа на мироощущение русских и европейских писателей начала XX века — современников Лу Синя. Очень близкая параллель в творчестве Л. Андреева — рассказ «Красный смех».⁶⁹

⁶⁷ См. об этом, например: *Тихомиров Д. С.* Н. Гоголь и Л. Андреев: большие проблемы «маленького человека» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. № 2 (43). — С. 351–358.

⁶⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 297.

⁶⁹ См. об этом: *Ван Бэнчао.* Символ «людоедства»: сравнение повестей Лу Синя «Дневниками сумасшедшего» и Л. Н. Андреева «Красный смех» // *Общественные науки в Гуандуне.* 1993. № 1. С. 61–64; *Цзян Шэнцин.* О влиянии «Красного смеха» Л. Андреева на «Дневники сумасшедшего» Лу Синя // *Вестник хупэйского строительного института.* 1994.

Этот рассказ был знаком Лу Синю. В 1925 году в одном из своих писем он так говорил о Л. Андрееве: «Полностью разочарованный, усталый писатель. Основы его мировоззрения в следующем: во-первых, жизнь человека страшна (отсюда пессимизм по отношению к человеческой жизни); во-вторых, интеллект лжив (отсюда пессимизм по отношению к мысли); в-третьих, тьма могущественна (отсюда пессимизм по отношению к морали)»⁷⁰. Лу Синь советовал китайским читателям обратить внимание на «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных». Сам он даже начал переводить «Красный смех», но не завершил работу из-за трудностей языка.

В «Дневнике сумасшедшего» возникает образ мира, близкий к рассказу Андреева. Мир зол и равнодушен к человеку, какая-то сила последовательно уничтожает человека. Жизнь в таком безумном мире вызывает у героя ужас.⁷¹

Можно считать, что влияние Гоголя здесь сочетается с влиянием Андреева. Но особенно интересно отметить, что сами русские критики-модернисты могли видеть в гротескных образах Гоголя не смешные, а страшные картины; фантастика Гоголя могла вызывать у них не смех, а ужас. Об этом пишет, например, Андрей Белый в книге «Мастерство Гоголя»: он перечисляет разные эпизоды из повести «Нос» и заключает: «Довольно, читатель: ведь это же... ужас!».⁷² Можно сказать, что Лу Синь здесь в каком-то смысле смотрит на Гоголя как модернист.

Еще одна важная особенность, о которой надо сказать, — финалы повестей. Какую мысль о судьбе мира и человечества высказывают Гоголь и Лу Синь в конце своих «Записок»? Советские и китайские литературоведы,

№ 1. С. 45–48.

⁷⁰ Петров В. В. Лу Синь. С. 336.

⁷¹ Кроме «Дневника сумасшедшего» в ряде других произведений Лу Синя возникает такая картина мира: страшная мрачная действительность, губящая человека. Ср., например, рассказы «Моление о счастье», «Снадобье» и др.

⁷² Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 19.

как мы видели, отвечали на этот вопрос однозначно: оба писателя говорят неперенной будущей победе над злом. Обе повести заканчиваются криком, призывом героев — ср.: «...рассказ Лу Синя обнаруживает определенную последовательность... в раскрытии глубинного потока сознания героя: страх быть съеденным, ненависть к людоедам, жалость к людям, утратившим в себе человеческое, желание вернуть им совесть, жажда видеть будущий мир избавленным от волчьих законов и — как взлёт гуманистического духа героя — горький и преисполненный надежды призыв: “Может, есть еще дети, не евщие людей? Спасите детей!” Такой финал рассказа сходен с гоголевской концовкой, в которой сквозь бред Поприщина вдруг прорывается страшная в своей открытости мысль о враждебности мира, мольба о спасении: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучают они его! прижми ко груди своей бедного сироту! ему нет места на свете! его гонят! — Матушка! пожалей о своем бедном дитятке!...»⁷³ На основании этой параллели в финалах двух повестей говорят об оптимистичном взгляде двух авторов.

Но стоит посмотреть внимательно. И у Гоголя, и у Лу Синя смысловой итог не такой однозначный. В. М. Маркович в рассмотренной выше работе обратил внимание, что повесть Гоголя не заканчивается избавлением Поприщина от бреда. В конце он снова бредит: «Матушка, спаси твоего бедного сына! <...> Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?»⁷⁴ Получается, что избавления от безумия не произошло. В действительности Гоголь не отвечает на вопрос, будет ли спасен мир и человечество. И гибель, и возрождение одинаково возможны. На эти смыслы в творчестве Гоголя обратили внимание модернисты (см. выше о книге Д. С. Мережковского).

Но и у Лу Синя нет однозначного ответа на вопрос о будущем. Очень важно, что в предисловии к повести говорится об излечении героя от своего

⁷³ *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае. С. 230.

⁷⁴ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л., 1938. С. 214.

сумасшествия. Безумец выздоровел и стал таким же, как все: «...он давно уже поправился и уехал в N за назначением на казенную должность».⁷⁵ Он получает свой чин и становится полноправным членом общества (того общества, которое в бреду казалось ему людоедским). Своё прошлое состояние он сам уже теперь оценивает как сумасшествие, ведь заглавие «Дневник сумасшедшего» принадлежит именно ему: «Что же касается заглавия книги, то оно было дано самим автором дневника после его выздоровления и не менялось».⁷⁶ То есть герою, по сути, не удалось спастись: он сам стал одним из людоедов. Будут ли спасены «дети», будет ли спасен мир? Этот вопрос остается открытым.

Таким образом, здесь Лу Синь близок к Гоголю. Но важно отметить, что такое понимание творчества Гоголя и у русских читателей появляется именно в ту эпоху, когда пишет Лу Синь. То есть через творчество Гоголя Лу Синь приобщается не только к классической, но и к современной европейской культуре.

⁷⁵ Лу Синь. Повести. Рассказы. С. 49.

⁷⁶ Там же. С. 50.

Заключение

Целью нашей работы было охарактеризовать особенности восприятия творчества Гоголя в Китае в начале XX века и его влияние на становление новой китайской литературы. Для этого мы предприняли сопоставительный анализ повести Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказа Лу Синя «Дневник сумасшедшего». В ходе анализа мы попытались проследить, как разрабатывается тема безумия в произведениях Гоголя и Лу Синя, как функционирует художественный прием «повествование от лица безумца» в каждой из повестей, а также описать литературный и культурный контекст, значимый для Лу Синя при восприятии творчества Гоголя.

В ходе нашего исследования **мы пришли к полемике с традиционной точкой зрения**, утвердившейся в советском и китайском литературоведении. Большинство исследователей, сопоставлявших произведения Гоголя и Лу Синя, описывали это литературное влияние так: китайский писатель учится у русского классика принципам критического реализма и превосходит своего учителя. Наша работа должна была показать, что это влияние было гораздо сложнее.

Мы проследили, как **менялось представление о творчестве Гоголя** в работах русских критиков и литературоведов в XIX–XX веках. Современники Гоголя и критики 1850-х–1860-х годов, а также советские литературоведы видели в нем сатирика и борца с социальным злом, критического реалиста. Но в эпоху модернизма (на рубеже XIX и XX веков) в гоголевском творчестве стали видеть религиозные и вечные конфликты, находить у него сочетание романтического, сатирического, мистического — сложные универсальные смыслы.

Мы предположили, что Лу Синь, живший и творивший в начале XIX века, мог под влиянием творчества современных ему русских писателей-модернистов видеть в произведениях Гоголя не только сатиру на

несправедливое общественное устройство, но и выражение вечной непрекращающейся борьбы сил добра и зла в мире.

Мы сравнили, **как разрабатывается тема безумия у Гоголя и Лу Синя**. Лу Синь следует за Гоголем в изображении безумного мира, из которого исчезает всё человеческое, в котором отношения между людьми становятся противоестественными. Но для русского, и для китайского автора оказываются очень важны национальные традиции. Гоголевский герой-сумасшедший не противопоставлен безумному миру. В мире Гоголя вообще нет «здоровых» сил: сама человеческая природа искажена, поражена дьяволом, злом. Поэтому обновление возможно сначала как победа над злом в своей душе. Лу Синь видит еще в мире здоровые силы, не затронутые влиянием среды. Его герой — борец: он противопоставляет себя и малую часть еще «не зараженных» миру зла. Поэтому обновление мира (избавление от безумия) два писателя понимают по-разному: для Лу Синя это возвращение к первоначальному неиспорченному разумному состоянию; для Гоголя — необходимость открыть какие-то новые истины. Так, идея, которую Лу Синь заимствует у Гоголя, видоизменяется в его рассказе под влиянием китайской литературной традиции. В результате получается совершенно оригинальный взгляд — похожий и непохожий на гоголевский.

Затем мы проследили, **как функционирует у двух писателей прием повествования от лица сумасшедшего**, который Лу Синь заимствует у Гоголя с формой дневника. Смысл этого приема — показать читателю привычную ему действительность глазами безумца и обнаружить ее ненормальность. Но гоголевский прием Лу Синь также использует по-своему, что обусловлено культурным и историческим контекстом его творчества. У Гоголя говорит только герой, поэтому в его повести нет выраженного автором представления о норме — злом поражен весь мир. У Лу Синя кроме голоса сумасшедшего героя появляется в предисловии голос «здорового автора». У него сталкиваются два мировоззрения, две нормы: многовековая традиция и естественные человеческие чувства, не затронутые этой средой.

В последней части работы мы попытались проследить, в чем состояло **влияние современных Лу Синю русских писателей модернистов на его восприятие гоголевского творчества**. Мы рассмотрели две особенности повести Лу Синя в сравнении с гоголевской.

Во-первых, Лу Синь, вслед за Гоголем, создает гротескные образы. Но **гоголевский гротеск он воспринимает почти так же, как русские модернисты**. Образы Гоголя имеют две стороны — смешную и трагичную, Лу Синь же создает в своем произведении атмосферу страха и ужаса. Его мир близок миру Л. Андреева. В этом можно видеть прямое влияние Андреева на Лу Синя, однако можно вспомнить, что именно русские модернисты в свою очередь обратили внимание на ужасную сторону гоголевских гротескных образов.

Во-вторых, повесть Лу Синя имеет сходный с гоголевской финал. Герой Гоголя не избавляется от своего сумасшествия: на какое-то время в нем пробуждается личность, но затем он опять возвращается к бреду. Он не побеждает безумный мир. Так же герой Лу Синя. Уже в начале в авторском предисловии сообщается, что герой избавился от своей «мании преследования», то есть вернулся в мир людей-людоедов. И у Гоголя, и у Лу Синя вопрос о судьбе человечества и мира остается без ответа. Ни русский, ни китайский авторы не высказывают абсолютной уверенности в том, что мир можно исправить. Они изображают вечную борьбу добра и зла. В этой «неуверенности» Лу Синь так же близок к модернистам и их пониманию гоголевского творчества.

Проделав сопоставительный анализ повести Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказа Лу Синя «Дневник сумасшедшего», мы пришли в нашей работе к следующему **выводу**. Смысл гоголевского влияния в творчестве Лу Синя гораздо шире, чем усвоение принципов «критического реализма». **Через творчество Гоголя Лу Синь приобщается одновременно к классической и современной ему европейской культуре. Именно такое**

значение получает творчество Гоголя для китайских читателей начала XX века.

Библиография

Источники

1. *Гоголь Н. В.* Петербургские повести / изд. подгот. О. Г. Дилакторская. СПб.: Наука, 1995.
2. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1938.
3. *Лу Синь.* Рассказы / Вступ. статья В. Рогова. М.: Гослитиздат, 1953.
4. *Лу Синь.* Повести. Рассказы / под ред. И. Федоренко. М.: Художественная литература, 1971.
5. *Лу Синь.* Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература, 2005. [鲁迅 鲁迅全集: 18 卷. 第一卷. 北京: 人民文学出版社, 2005.]

Научная и критическая литература

6. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959.
7. *Белый Андрей.* Мастерство Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.
8. *Брюсов В. Я.* Испепеленный // Н. В. Гоголь: Pro et contra / Сост. С. А. Гончаров. Т. 1. СПб., 2009. С. 445–469.
9. Гоголь как явление мировой литературы / Под ред. Ю. В. Манна. М.: ИМЛИ, 2003.
10. *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.
11. *Дилакторская О. Г.* Художественный мир петербургских повестей Н. В. Гоголя // Гоголь Н. В. Петербургские повести. СПб.: Наука, 1995. С. 207–257.
12. *Карташова И. В.* Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» и романтическая традиция // Карташова И. В. Этюды о романтизме. Тверь: ТГУ, 2002. С. 97–104.

13. *Кулешов В. И.* История русской литературы XIX века. М.: Академический Проект, Трикста, 2004.
14. *Макогоненко Г. П.* «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего»: (Из истории творческих отношений гоголя и Пушкина) // Вопросы литературы. 1979. № 6. С. 91–125.
15. *Манн Ю. В.* Творчество Гоголя. Смысл и форма. СПб.: СПбГУ, 2007.
16. *Маркович В. М.* Безумие и норма в петербургских повестях Гоголя // Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего. СПб.: Азбука, 2012. С. 5–30.
17. *Марченко Т. В.* Бунт потрясенной души: О стиле «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя // Филологические науки. 1993. № 4. С. 10–23.
18. *Мережковский Д. С.* Гоголь и черт // Н. В. Гоголь: Pro et contra / Сост. С. А. Гончаров. Т. 1. СПб., 2009. С. 349–444
19. *Позднеева Л. Д.* Лу Синь. М.: «Молодая гвардия», 1957.
20. *Петров В. В.* Лу Синь: Очерк жизни и творчества. М: Гослитиздат, 1960.
21. *Рогов В. В.* Вступительная статья // Лу Синь. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1953. С. 3–7.
22. *Серебряков Е. А.* Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература. М.: Наука, 1988. С. 225–274.
23. *Скрипник А. В.* Общественно-литературный фон повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 25 с.
24. *Суровцева Е. В.* О влиянии Н. В. Гоголя на Лу Синя // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/130> (дата обращения: 18.04.2017)

25. *Тихомиров Д. С.* Н. Гоголь и Л. Андреев: большие проблемы «маленького человека» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 351–358.
26. *Цянь Чжун-вэнь.* Гоголь в Китае // Русская литература. 1959. № 2. С. 191–193.
27. *Шкловский В. Б.* Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 7–20 .
28. *Шнейдер М. Е.* Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977.
29. *Ши Жоу.* Традиции русской классической литературы в осмыслении китайских прозаиков (Чехов и Лу Синь): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 28 с.
30. *Эйдлин Л.* О сюжетной прозе Лу Синя // Лу Синь. Повести. Рассказы / под ред. И. Федоренко. М.: Художественная литература, 1971. С. 5–30.
31. *Яковлев В. В.* Эволюция героя и авторская позиция в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы. Петрозаводск: ПГУ, 1991. С. 89–94.
32. *Ван Бэнчао.* Символ «людоедства»: сравнение повестей Лу Синя «Дневниками сумасшедшего» и Л. Н. Андреева «Красный смех» // Общественные науки в Гуандуне. 1993. № 1. С. 61–64. [王本朝 “吃人” 的寓言与象征 – 鲁迅《狂人日记》与安特莱夫《红笑》的比较性解读 // 广东社会科学. 1993. № 1. С. 61–64]
33. *Вэнь Жуминь.* Влияние иностранных литератур на «Дневники сумасшедшего» Лу Синя // Иностранные литературы. 1982. № 4. С. 37–46. [温儒敏 外国文学对鲁迅《狂人日记》的影响 // 外国文学. 1982. № 4. С. 37–46]

34. *Гуан Линлин.* Интерпретация образа сумасшедшего в «Записках сумасшедшего» Гоголя и «Дневниках Сумасшедшего» Лу Синя // Вестник Сучжоуского университета. 2007. № 3. С. 74–78. [管玲玲 狂人的文化解读 评鲁迅和果戈里的《狂人日记》 // 苏州学院学报. 2007. № 3. С. 74–78]
35. *Гэ Синлай.* Тесная связь между образами «человека» и «зверя» в «Дневнике сумасшедшего» Лу Синя // Литературная критика. 2007. № 6. С. 143–147. [革新来 “人” 与 “兽” 纠葛的世界 – 鲁迅《狂人日记》新论 // 文学评论. 2007. № 6. С. 143–147]
36. *Дай Синьлин.* О распространении Д. Л. Андреева в Китае: магистр. дис. филол. наук. Гуйчжоу. 2009. 50 с. [戴新林 安德烈耶夫在中国的传播与接受.; 文学硕士学位论文, 贵州. 2009. 50 с.]
37. *Ду Вэй, Сюй Цзяфан.* Наше мнение о «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя по сравнению с «Записками сумасшедшего» Гоголя // Вестник Цзичжоуского университета (Серия философских наук). 1986. № 3. С. 29–35. [杜卫, 徐加方 鲁迅《狂人日记》之我见 — 试与果戈里同名小说至比较 // 锦州师院学报 (哲学社会科学版). 1986. № 3. С. 29–35]
38. *Жэнь Суминь.* Рассуждение о символике как художественном приёме в повестях Лу Синя // Вестник Сучжуского педагогического института. 1994. № 4. С. 28–32. [任苏民 论鲁迅小说对象征手法的运用 // 苏州教育学院学报. 1994. № 4. С. 28–32]
39. *И Шуйхань.* Автоматизм, остранение — новое понятие о «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Вестник Хубэйского университета (философия и общественные науки). 1991. № 5. С. 9–12. [易水寒 自动化, 陌生化 – 鲁迅《狂人日记》新探 // 湖北大学学报 (哲学社会科学版). 1991. № 5. С. 9–12]

40. *Ли Минянь*. Н. В. Гоголь и Лу Синь.; магистр. дис. филол. наук. Тяньцзинь. 2004. 50 с. [李明艳 果戈里和鲁迅.; 文学硕士学位论文, 天津. 2004. 50 с.]

41. *Лу Хэн*. Выбор и сравнение образов сумасшедших – Одноименные повести Гоголя и Лу Синя — «Записки сумасшедшего»: магистр. дис. филол. наук. Шанхай. 2013. 34 с. [陆衡 狂人形象的选择及其比较 — 论果戈里与鲁迅同名小说《狂人日记》.; 文学硕士学位论文, 上海. 2013. 34 с.]

42. *Лян Сюйминь*. Идея о индивидуализме и гуманизме в «Дневниках сумасшедшего» и раннем творчестве Лу Синя // Вестник шаньдунского политехнического университета (общественные науки). 2002. № 6. С. 70–72. [梁绪敏 从《狂人日记》看鲁迅早起小说的个性主意与人到主义思想 // 山东理工大学学报 (社会科学版). 2002. № 6. С. 70–72]

43. *Лю Вэйминь*. Новое понятие о «Дневниках сумасшедшего» // Вестник цинхайского педагогического университета (философия и общественные науки). 1993. № 3. С. 90–95. [刘为民 《狂人日记》新探 // 青海师范大学学报 (哲学社会科学版). 1993. № 3. С. 90–95]

44. *Лю Тайлун*. О особенностях заимствования иностранных литератур Лу Синя // общественные науки Гуанси. 1986. № 3. С. 159–170. [刘泰隆 鲁迅借鉴外国文学的几个特点 // 广西社会科学. 1986. № 3. С. 159–170]

45. *Синь Лин*. Рассуждение о различии и сходстве «Записок сумасшедшего» В. Н. Гоголя и «Дневники сумасшедшего» Лу Синя // Вестник Чуанчуньского образовательного института. 2010. № 6. С. 26–27. [辛玲 对果戈里与鲁迅《狂人日记》异同性的探究 // 长春教育学院学报. 2010. № 6. С. 26–27.]

46. *Сунь Мухань, Сюй Янь.* Дела прошлого, сегодняшнего и будущего — понятие о нарратологии в «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Вестник шаньсиского педагогического университета (философия и общественные науки). 2008. № 1. С. 38–43. [在过去之事、现在之事、将来之事之间穿越 – 鲁迅《狂人日记》的叙述学解读 // 陕西师范大学学报 (哲学社会科学版) . 2008. № 1. С. 38–43]
47. *Сюе Юнцзюань.* Инновация на гоголевском опыте — сравнение «Записок сумасшедшего» Гоголя с «Дневником сумасшедшего» Лу Синя // Чтение и эстетика. 2007. № 5. С. 34–35. [薛永娟 借鉴基础上的独创 – 比较鲁迅的《狂人日记》与果戈里的《狂人日记》 // 阅读视角. 2007. № 5. С. 34–35]
48. *Тань Цхюаньцян.* Рассуждение о эстетической дистанции в «Дневниках сумасшедшего» // Фронт идеи. 1989. № 5. С. 42–46. [论鲁迅《狂人日记》中的距离控制 // 思想战线. 1989. № 5. С. 42–46]
49. *Тан Чэньгуан.* Человек ест человека или конфуцианское учение ест человека? — Об основной идеи «Дневников сумасшедшего» Лу Синя // Вестник хунаньского педагогического университета (общественные науки). 2004. № 1. С. 109–111. [汤晨光 是人吃人还是礼教吃人? — 论鲁迅《狂人日记》的主题 // 湖南师范大学学报 (社会科学版) . 2004. № 1. С. 109–111]
50. *Тан Юань.* Реалистическое искусство символизма — О художественном приёме «Дневников сумасшедшего» // Вестник пекинского университета (философия и общественные науки). 1993. № 4. С. 42–51. [唐沅 写实的象征主义艺术 – 关于《狂人日记》的创作方法 // 北京大学学报 (哲学社会科学版) . 1993. № 4. С. 42–51]
51. *У Динъюй.* Рассуждение о культурных ценностях «Дневников сумасшедшего» Лу Синя // Вестник чжуншаньского университета (общественные науки). 1999. № 3. С. 63–69. [吴定宇 论

《狂人日记》的文化价值 // 中山大学学报 (社会科学版). 1999. № 3. С. 63–69]

52. У Цзыин. Трезвый революционер — рассуждение о безумце в «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Экономика Цзинвэй. 1987. № 1. С. 149–154. [武子英 清醒的革命者 – 论鲁迅《狂人日记》中的狂人 // 经济经纬. 1987. № 1. С. 149–154]

53. Ху Цзюнь. О классическом образе «безумца» в «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Вестник хуайнаньского педагогического института. 2012. № 3. С. 62–63. [论《狂人日记》中“狂人”形象的经典形象 // 淮南师范学院学报. 2012. № 3. С. 62–63]

54. Хуа Хаобо. О инновации и влиянии иностранных литератур на «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Учебный материал. 2010. № 4. С. 11–13. [华浩波 鲁迅狂人日记受外来影响及创新 // 文教资料. 2010. № 4. С. 11–13]

55. Цао Сисюй. О стилистических приёмах «Дневников сумасшедшего» // Вестник юго-западного национального университета (философия и общественные науки). 2006. № 4. С. 34–39. [曹禧修 论《狂人日记》修辞策略 // 西南民族大学学报 (人文社会科学版). 2006. № 4. С. 34–39]

56. Цзян Юйцин. Арготизм двух разных культур — «безумец» Лу Синя и «сверхчеловек» Ницше // Изучение современной китайской литературы. 2001. № 2. С. 193–205. [姜玉琴 两种文化的隐喻 – 鲁迅的“狂人”与尼采的“超人” // 中国现代文学研究丛刊. 2001. № 2. С. 193–205]

57. Цзян Чжэнхуа. Верное и неверное изложение «Дневников сумасшедшего» Лу Синя // Вестник цзиньня. 2011. № 2. С. 144–145. [姜振华 鲁迅《狂人日记》叙述的可靠与不可靠 // 晋阳学刊. 2011. № 2. С. 144–145]

58. *Цзян Шэнцин*. О влияние «Красного смеха» Л. Андреева на «Дневники сумасшедшего» Лу Синь // Вестник хупэйского строительного института. 1994. № 1. С. 45–48. [江胜清 论安特莱夫的《红笑》对鲁迅《狂人日记》的影响 // 湖北工程学院学报. 1994. № 1. С. 45–48]
59. *Цянь Бисян*. Откровение из сумасшедшего мира — рассуждение о «Дневниках сумасшедшего» // Вестник института магистратуры академии общественных наук. 1988. № 1. С. 64–74. [钱碧湘 来自疯狂世界的其实 — 论鲁迅《狂人日记》 // 中国社会科学院研究生学院. 1988. № 1. С. 64–74]
60. *Чай Сяоянь*. «Ревизор» приехал в Китай // Ветер с Севера. Издательство Хайнань. 1993. С. 14–15. [查晓燕 “钦差大臣”到中国 // 北方吹来的风. 海南出版社. 1993. С. 14–15]
61. *Чай Сяоянь*. Господин У и преподаватель Фань из «Шинели» // Ветер с Севера. Издательство Хайнань. 1993. С. 16–17. [查晓燕 从“外套”里钻出来的吴先生和范老老师 // 北方吹来的风. 海南出版社. 1993. С. 14–15]
62. *Чай Сяоянь*. Одноименные повести Гоголя и Лу Синя — «Записки сумасшедшего» // Ветер из севера. Издательство Хайнань. 1993. С. 10–11. [查晓燕 两篇佳作同一名 — 《狂人日记》 // 北方吹来的风. 海南出版社. 1993. С. 10–11]
63. *Чжан Ивэй, Чжень Чуньшэн*. Реалистическое литературное воззрение раннего творчества Лу Синя и Юй Цюбай — под влиянием Гоголя // Вестник Хайнаньского педагогического университета (Общественные науки). 2009. № 2. С. 25–29. [张意薇 陈春生 鲁迅与翟秋白的早期现实主意文学观比较探析 — 以对果戈里的接受为例 // 海南师范大学学报 (社会科学版). 2009. № 2. С. 25–29]

64. *Чжэн Сяопин*. Понятие о надежде и отчаянии в «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Научное общение. 2008. № 12. С. 259–262. [从《狂人日记》看鲁迅希望与绝望的两歧意识 // 学术交流. 2008. № 12. С. 259–262]
65. *Чжэн Вэйхун*. Краткое рассуждение о религиозной идеологии Гоголя // Вестник Баодинского института. 2010. № 1. С. 15–17. [郑伟红 浅谈果戈里的宗教思想 // 保定学院学报. 2010. № 1. С. 15–17]
66. *Чжу Пин*. Образ безумия в китайской классической литературе // Компаративистика в Китае. 2005. № 4. [中国古典文学中的疯癫形象 // 比较文学. 2005. № 4]
67. *Чжу Шухуа*. Понятие о «сумасшедшей семье» в повестях Лу Синя // Вестник шаньсиского радио-телевизионного университета. 2007. № 1. С. 64–65. [朱淑华 对鲁迅小说中“狂人家族”的认识 // 山西广播电视大学学报. 2007. № 1. С. 64–65]
68. *Чи Жуй*. Заимствование и инновация: Сатира Н.В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Тунхуаского педагогического университета. 2007. № 1. С. 93–96. [借鉴和超越：鲁迅与果戈里的讽刺艺术 // 通化师范学院学报. 2007. № 1. С. 93–96.]
69. *Чэнь Чжихуа*. Неверное изложение — анализ текста «Дневников сумасшедшего» Лу Синя // Вестник ланчжоуского университета (общественные науки). 2007. № 4. С. 32–36. [陈志华 不可靠叙述 – 鲁迅《狂人日记》文本分析 // 兰州大学学报 (社会科学版). 2007. № 4. С. 32–36]
70. *Юй Ляньсян*. О значении символа «людоедства» — новое понятие о «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Периодическое издание чжэцзян. 2001. № 5. С. 95–98. [论“吃人”臆想的象征意义 – 鲁迅《狂人日记》新解 // 浙江学刊. 2001. № 5. С. 95–98]

71. Юй Сяолин. Арготизм безумия — особенности образа персонажа в «Дневниках сумасшедшего» Лу Синя // Вестник социалистического института провинции Фуцзяня. 2009. № 5. С. 94–96. [癡狂的隱喻 – 解析魯迅《狂人日記》中人物意象的特征 // 福建省社會主義學院學報. 2009. № 5. С 94–96]

72. Ян Синь. Клич революционера и жалоба реформатора на социальный строй — сравнение «Записок сумасшедшего» Гоголя и «Дневника сумасшедшего» Лу Синя // Академия общественных наук в Чунчине. 2007. № 7. С. 50–53. [楊欣 革命者的吶喊與該兩家的控訴 — 魯迅與果戈里《狂人日記》之比較 // 重慶社會科學院. 2007. № 7. С. 50–53]

Справочная литература

73. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.

74. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003.

75. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.

76. Большой словарь Лу Синя. Пекин: Народная литература, 2009. [魯迅大辭典. 北京. 人民文學出版社. 2009.]